

БОРИС ЛАПИН

КРАТЕР
ОЛЬГА

РАССКАЗЫ

1968
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РУКОПОЖАТИЕ

*Несколько историй из жизни телепата
с приложением подлинных документов*

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

На литературный вечер в Политехнический он попал случайно. Бродил, бродил по Москве, раздумывая, как бы поудачнее убить слишком длинное в чужом городе воскресенье, и вдруг неожиданно для себя оказался в этом зале. Он никогда не испытывал особой тяги к литературной эстраде, и будь он суеверен, мог бы сказать впоследствии: «рука судьбы», потому что случайная встреча в этот случайный вечер круто развернула всю его жизнь. Но Владимир Кочин не был суеверен.

В первом отделении выступали поэты. Это были, правда, не самые громкие имена, но ребята старались вовсю, до пота, зашучив рукава, и Кочину вспомнилось, что именно здесь, в этом самом зале, раздавался когда-то голос Маяковского. Два часа пролетели незаметно. Однако во втором отделении Кочин затосковал. Маленький одутловатый человечек в тяжелых очках читал главу из нового романа. Это был интересный и своеобразный писатель, но после фейерверка поэтических образов проза просто не воспринималась. К тому же отвлекала плешивая голова автора, как нарочно нацеленная в зал матово поблескивающей макушкой. Людям, сидящим перед сценой, подавай на что-то смотреть, а здесь смотреть было совершенно не на что, и люди вежливо зевали.

Невольно зевнул и Кочин. Тут его сосед встал и тихонько направился к выходу. Поколебавшись секунду-другую, Кочин последовал за ним, благо, сидели они с краю. В фойе его сосед, пожилой человек с грустными, по-библейски выпуклыми глазами, гостеприимно распахнув портсигар, сказал:

— Не понимаю, зачем только прозаики залезают на эту трибуну. Поэты — да, площадь, эстрада, трибуна — их рабочее место. Но прозаики...

— Очевидно, им важно проверить написанное на читателях, проверить впечатление...

— Разумеется, разумеется, — нетерпеливо отмахнулся собеседник Кочина. — Но я не о том. Впрочем, при таком чтении впечатление всегда будет одно — скука. Да, ведь мы незнакомы. Вадим Петрович.

— Кочин, Владимир.

Они шли под мелким морозящим дождем. Вадим Петрович говорил:

— Вы задумывались когда-нибудь над психологическим контактом двух людей? Скажем, взять двух студентов, схожих по характеру, по биографии, по образованию, по интересам. Кстати, — он грустно усмехнулся, — найти таких не столь уж сложно. Но один пришел со счастливого свидания, а другой только что провалил экзамен. Уверю вас, им будет труднее понять друг друга, чем мудрецу и младенцу. Это я к тому, что читатель — непременно сопереживатель, а потому сотворец. Если он не соотносит жизнь героя со своей жизнью, ему просто неинтересно. Так что здесь очень важен общий для обоих душевный настрой. Поэты такой настрой создают, потеют, да создают, а вот прозаики... Прозу должен исполнять большой мастер, большой психолог...

— Как, впрочем, и поэзию.

— Да, пожалуй, — рассеянно пробормотал Вадим Петрович, вдруг оборвав рассуждение, которое показалось Кочину любопытным.

Некоторое время шли молча. Потом Кочин сказал:

— Мы знакомы всего несколько минут, а вы уже успели назвать меня дилетантом. Что это, тоже психологический контакт?

Вадим Петрович остановился.

— Я... вас... назвал... дилетантом? — Они странно и нелепо топтались в лужице, два почти незнакомых человека. — Извините, вам показалось, я ничего подобного не говорил.

Кочин торопливо перебирал все немногие фразы их разговора: да, как будто, бы не говорил, но откуда же взялась уверенность, что этот человек назвал его дилетантом? Что за чертовщина!

— Ничего, ничего, бывает, — успокоил его Вадим Петрович, и они пошли дальше. — Я в будущем? Как, вы думаете, будут проходить такие вечера в будущем?

Кочин пожал плечами.

— Очевидно, так же. Как и при вешем Бояне.

— Так же? Один, творец, будет творить... нет, даже не творить на глазах публики, а скорее пересказывать результат творческого процесса, а остальные — что, зевать, как сегодня? Нет уж, избавьте! Боян хоть на гусях себе подыгрывал.

— Как же, по-вашему, это будет завтра?

— Вы не очень спешите? Я вижу, вечер у вас свободный. Вы приезжий, да? Тогда зайдем ко мне, и я вам расскажу... нет, покажу, как это будет завтра. Я тут недалеко живу, рядом, в переулке...

Кочин совершенно явственно представил пустую квартиру этого чудака, стены, заставленные книгами, почувствовал всю тоску его одиночества и, еще раз пожав плечами, согласился.

Это была та самая комната, которую он только что так отчетливо представил. Книжные стеллажи до потолка, черный кожаный диван, бюст Ломоносова, в свободном от книг уголке —

какой-то особенный, с большим овальным экраном телевизор, напротив него — глубокое кресло.

Вадим Петрович протянул ему ключ.

— Зачем?

— Я уйду на кухню, а вы замкнитесь изнутри, это необходимо для чистоты эксперимента. Вам нужно сесть в это кресло.

— Только и всего?

— Только и всего.

Кочин покосился на телевизор с необычной антенной — двумя полусферами, направленными на кресло. Вадим Петрович перехватил его взгляд и ободряюще улыбнулся.

— Не беспокойтесь, это безопасно, как леденец.

Кочин повернул ключ, погасил свет, опустился в кресло — и сразу зазвучала какая-то знакомая мелодия. Потом на экране вспыхнула яркая оранжевая полоса — и рассыпалась снопом медленных искр. Причудливые сочетания цветовых пятен сменяли друг друга. Сначала он ничего не мог уловить в них, кроме игры красок, но вот как-то незаметно игра цвета слилась с мелодией — и на экране зазвучала борьба. Зловещие багровые всполохи теснили золотое сердце экрана, порой вовсе подавляли его, и тогда золотой слиток метал фиолетовые молнии.

«Скрябин! — вспомнил Кочин. — «Прометей. Поэма огня»! Вот оно что...»

Золотое сердце сжималось, пульсировало, билось, и все слабее становились багровые всполохи, все ярче разливалась вокруг голубая заря восхода. А потом мир зазеленел нежной молодой зеленью, и зашумели листья и травы, защебетали птицы, зеленый ветер всколыхнул упругие волны колосьев...

Это был большой зал, освещенный мягким зеленым светом. Откуда исходил свет, невозможно было определить. В зале сидели люди, много людей.

На возвышение под большим, во всю переднюю стену, сферическим экраном взошел человек в тяжелых роговых очках, тот самый сегодняшний прозаик. Он поклонился и сел в кресло. Тотчас же зазвучала мягкая музыка, и на экране вспыхнула яркая оранжевая полоса...

Кочин сидел в зале, среди многих людей. И когда на экране зазвучала цветомузыка, он уже знал — это настройка. Так настраивает инструменты оркестр. Мысли и чувства писателя и его будущих «читателей» должны звучать на одной душевной волне, сохраняя, однако, так же как инструменты в оркестре, свою неповторимую индивидуальность, определяемую жизненным опытом и характером каждого.

Склонившись над маленьким столиком, писатель нервно перебирал какие-то бумажки — нечто вроде плана выступления или тезисов доклада. Никакой толстой рукописи перед ним не было. Писатель волновался.

Экран погас, и в зале наступила полная тишина. Никто ничего не говорил и не делал, в том числе и автор. Кочин вгляделся в лица соседей. У многих были закрыты глаза, у других открыты, но люди разом хмурились и разом, как бы сквозь сон, улыбались. Все слушали насыщенную мыслями тишину.

Люди думали. Люди грезили. Люди творили.

А маленький человек за пультом, как дирижер оркестра, только направлял поток их мыслей и грез в нужном направлении, смирял и будоражил фантазию, изредка заглядывая в свои записи, как дирижер — в партитуру симфонии. Но и он не шевелился. Он только сидел и думал.

Это были люди будущего, и они сразу настроились на нужный лад. Кочин же, новичок на литературном вечере, слишком взбудораженный обилием впечатлений, видимо, не сумел настроиться на одну волну со всеми и теперь очень жалел об этом. Жалел, потому что люди, творившие в зале, были вдохновенны, как вдохновенен погруженный в себя бронзовый опекушинский Пушкин.

Внезапно что-то случилось — и все исчезло, как в кино, когда рвется лента. Грезы оборвались. Он увидел перед собой книжный стеллаж и даже успел заметить, что сидит лицом к стене, а не к телевизору. Потом грезы вернулись. Эти досадные помехи возникали еще несколько раз, но он уже не обращал на них внимания.

После первой паузы случилось чудо. Каким-то образом он вдруг настроился и включился в слушание, вернее, в сотворчество того романа, с которым выступал сегодня писатель...

Это был, безусловно, фильм. Но не фильм действия на плоскости и звука, а фильм мыслей и чувств. Кочин слышал голоса людей, героев фильма, когда они говорили, но слышал также их мысли, а точнее, был свидетелем и соучастником их переживаний.

То, что он увидел, простой смертный пересказать не в силах: это было на уровне величайших творений человечества. Только гораздо впечатлительнее, чем в чтении. Вероятно, это было так же увлекательно, как одновременный процесс чтения и создания гениального романа — если бы такое было возможно! И еще его поразило, что главным героем этого замечательного произведения был он сам, а многие действующие лица напоминали дорогих ему людей. Он видел свою жизнь — и в то же время не свою...

Он видел, как горит его родная деревня. В резких порывах ветра волчком крутилось тугое жаркое пламя, выбрасывая столбы черного дыма. Искры летели на толпу, и он, испуганный, прятался от них за спину тетки.

Фашистские солдаты приволокли и швырнули к ногам толпы седого старика в дымящейся одежде — деревенского учителя. Непонятные лающие слова покрыли шум пожара. Офицер в черном что-то спрашивал толпу, указывая на старика. Толпа подавленно молчала. Офицер выхватил пистолет и выстрелил. Старик упал лицом в землю. Но, уже почти мертвый, повернулся из последних сил и поднял к небу грозный, карающий кулак. Автоматная очередь прошла толпу...

Он продирался сквозь кусты и деревья, натыкался на ветки испарянным лицом и снова бежал, бежал, пока не свалился перед какой-то норой на косогоре. Он забился в эту пахнущую зверем нору, но все еще слышал автоматные очереди за спиной и дрожал, как загнанный звереныш.

Потом он шатающейся тенью бродил по лесу и пробовал подряд все листья и травинки, пытаясь найти хоть что-то съедобное. И вдруг — о удача! — возле заброшенного окопа ему попала консервная банка с остатками мясной тушенки. Он набросился на эту банку, он вылизал ее, изрезав губы, так что она заблестела.

Он весь горел. Хотелось пить, чтобы залить огонь внутри. Кое-как дополз он по жестким камням до берега реки и окунул лицо в воду...

Кочин видел это совершенно отчетливо, как бы со стороны, и одновременно снова пережил все то, что чувствовал тогда восьмилетний Вовка Кочин... тень Вовки Кочина.

И вдруг ему показалось, что этот измученный, загнанный, умирающий звереныш — вовсе не он, а Костька, сын. Это было уже выше его сил. Кочин вскочил, заметался по комнате, чтобы не видеть, прекратить, забыть!..

Перед ним возник цветущий черемуховый перелесок. Над цветами, тяжело гудя, копошились пчелы. Девушка, почти девочка, в пестром ситцевом платье шла с ним рядом. Она смеялась, и черемуховая кисточка в ее волосах вздрагивала от смеха. Они шли вдвоем по узкой тропинке, держась за руки, касаясь друг друга плечом, и земля пела под ногами.

А потом она сидела в траве и плакала, спрятав лицо в ладони. И повторяла чужим деревянным голосом слова, которые означали для него конец света: «Нет, нет, я тебя не люблю! Я тебя не люблю».

Она плакала, и он не понимал тогда, отчего она плачет, когда плакать надо было ему. А она жалела себя. Жалела, что ее полюбил совсем не тот, кого любит она. И она не хотела быть

жестокой, как был жесток с нею тот, другой, но ничем не могла помочь, а потому еще больше жалела себя.

Они возвращались обратно, и праздничное цветение черемухи усугубляло беду. Они шли по высокой траве, чтобы случайно не задеть друг друга плечом, а тропинка между ними оставалась свободной, будто шел по ней невидимый третий.

«А теперь поцелуй меня, — сказала она строго. — Один раз. На прощанье. И забудь навсегда».

И она ушла из его жизни — действительно навсегда...

Ему остались только книги. Книги в общежитии, книги на занятиях, книги в библиотеке. Единственные друзья. Почти единственные собеседники. Опять, как тогда, во время лесных скитаний, он стал диким и нелюдимым. Что-то перегорело в нем среди цветущих черемух. И он, верно, навсегда остался бы таким, если бы однажды другая девушка, самая красивая на их курсе, самая умная, самая гордая, не положила голову ему на плечо, если бы не сказала: «Кочин мой, Кочин!» И что она нашла в нем такого, в нем, самом обыкновенном, ничем не примечательном?! Это была Катя, жена...

Он видел... Многое он видел. Но пересказать увиденное в тот вечер просто невозможно. Он увлекся. Его воображение парило над облаками, его мысли неслись вперед, как дикие кони. Уже завязывались новые сюжетные узлы, уже пыталось стремительно раскрутиться действие, но что-то мешало...

Когда он очнулся, зеленый зал стоя рукоплескал смущенно раскланивающемуся автору. Маленький человек в тяжелых очках торопливо рассовывал по карманам уже ненужные бумажки. Кочин тоже изо всей силы захлопал в ладоши человеку, который подарил ему этот счастливый вечер.

Его вывел из оцепенения стук. Щелкнул замок. В двери стоял Вадим Петрович. Кочин поднялся и с удивлением обнаружил ту же заставленную книгами комнату. В углу темнел безжизненный

телевизор. Вадим Петрович протянул портсигар, Кочин закурил и только тогда почувствовал, как сильно устал.

— Это по телевизору? — спросил он. Голос прозвучал хрипло, незнакомо.

— Нет, — с усмешкой ответил Вадим Петрович. — По «телевизору» шла только цветомузыка. Да вы и не могли бы видеть его, после настройки кресло повернуло вас лицом к стене.

— Верно, — вспомнил Кочин. — Я заметил.

— Заметили? Во время сеанса?

— Да, несколько раз что-то случилось... будто рвалась лента в кино.

Вадим Петрович задумчиво покачал головой, зачем-то тронул полусферы антенн — и рассмеялся.

— Трамвай? Ну конечно, трамвай скрипел на повороте! Значит, он отвлек мои мысли, только и всего. Нечто вроде короткого замыкания.

— Скажите, — спросил Кочин, — что это за гениальный роман? Я понимаю, все это из будущего... Но на самом деле?

— Роман? — изумился Вадим Петрович. — Это не роман. Это я вспоминал свою жизнь.

— Вы?.. Свою жизнь!?

— Разумеется. А разве похоже на роман?

— Странно, странно! Но почему же я не мог включиться в начало романа, а потом ни с того ни с сего включился в середину?

Наивность Кочина рассмешила Вадима Петровича:

— Голубчик мой! Это типичнейшая ошибка восприятия. Ведь вы сидели не в зеленом зале, а здесь в моей комнате.

— Ну и что же?

— А то, что я должен был показать вам сначала сам вечер — и я думал о вечере. А уж потом стал вспоминать свою жизнь. Не мог же я вызвать в своем представлении и то, и другое разом!

— Вы специально занимаетесь этим... искусством будущего?

— Ну нет, я занимаюсь тем, что на языке быта можно назвать непосредственной передачей мысли.

— И вы знаете, в чем суть передачи мысли? Физическая суть?

— Не знаю. Но это отнюдь не мешает мне экспериментировать. Пользовались же древние моряки компасом, не зная физической сути магнетизма. А здесь главное — психологический контакт, так сказать, настройка.

— И последний вопрос. Искусство будущего... вы думали о нем раньше?

— Представьте себе, никогда. Только сегодня, на вечере в Политехническом, вспомнились мне слова Ленина о том, что искусство должно принадлежать народу. Вот я и проимпровизировал один из возможных вариантов. Спорно? Согласен. Но я же не теоретик искусства, а всего-навсего психолог, да и то самоучка. А вы... вы знаете, кто вы?

— Дилетант?

— Те-ле-пат! Да еще какой телепат! Я сразу понял это, едва вы приняли мою мысль о дилетантстве. Скажите, Володя... Можно мне вас так?.. А прежде бывали у вас подобные случаи?

Кочин задумался. То, что произошло с ним сегодня, было, конечно, изумительно и неповторимо. Но и раньше...

Это случилось первого сентября 1943 года. Он только что прибежал из школы, взбудораженный, переполненный впечатлениями, швырнул портфель на стол, торопясь скорее рассказать обо всем матери... А она сидела как неживая, будто только ее тело находилось здесь, глаза ничего не видели, и руки безжизненно повисли. Он бросился к ней.

— Мам, что с тобой?

Она долго, издалека возвращалась в себя. Потом прижала к груди его голову и сквозь вздымающиеся рыдания прошептала:

— Папку... убили... на войне...

Он только что встретил на улице почтальоншу и потому спросил, холодея:

— Что, похоронная? — В те времена любой шкет знал это страшное слово.

Закрыв лицо натруженными, всегда шершавыми руками, мать покачала головой.

— Нет, Вовка, сама видела... Он звал меня. На пригорке лежал, лицом к солнышку, и звал... Родименький!.. — и она упала лицом в подушку.

Вовка расстроился, хоть ничего и не понял. Может, это она во сне? Или предчувствия какие? Но он уже твердо усвоил, что никаких предчувствий, вещих снов и всего прочего такого не существует, как не существует бога и черта.

Похоронная пришла в октябре. А вслед за ней пришло письмо от фронтового товарища отца, в котором было написано, что отца тяжело ранило в бою, умер он на руках друзей и все звал перед смертью Нюру. Письмо было датировано первым сентябрем, а пришло только в октябре. В те времена почта работала плохо.

...Он шел с лекций по зимней Москве, ветер сыпал мокрым снегом, под ногами чавкала серая снежная каша. И вдруг ни с того ни с сего он увидел мать. Она лежала на старой деревянной кровати, откинув голову, и тихо стонала, а вокруг испуганно суетились белые халаты. Не раздумывая, он повернул и побежал обратно в университет. За полчаса ему удалось наскрести на авиабилет — благо, стипендию давали недавно. Он схватил такси, по пути во Внуково заскочил в общежитие на Стромынку, взял чемоданчик и телеграмму-молнию, подсунутую под дверь. И только в самолете дошло до него, что телеграмму-то он так и не прочел.

К счастью, тогда все обошлось, мать поправилась, а умерла она позднее, в больнице, под наркозом, прежде на многое успев раскрыть ему глаза. Он узнал, что и сама мать, и ее отец, и бабушка по отцу — все обладали этим свойством, которое в глухом уральском городке даже и назвать не знали как, а по-

тому называли просто «предчувствием», что проявляется это свойство не всегда, только в самые напряженные моменты жизни, что расстояние здесь ни при чем и что многие люди, хотя и не в такой степени, обладают этим свойством, но пользоваться им по своему усмотрению не может никто.

Вадим Петрович не удивился.

— Стихийная телепатия, — сказал он с горькой усмешкой. — То самое, что наши противники опровергают уже несколько столетий и никак не могут опровергнуть. Скажу вам по секрету, сами они, наши опровергатели, верят не только в телепатию, но и в черных кошек, да не признаются. Потому что стоит им признаться, у них тут же потребуют: «Будьте добреньки, объясните физическую суть». Суть объяснить они не могут, а важные кресла занимают, труды издают, зарплату получают. Тогда им скажут: «Как же так, голубчики?» Вот этого-то вопроса и боятся они, во все не телепатии. Впрочем, разговоры разговорами, а не мешало бы чайку испить, как вы считаете?

Кочин вернулся в гостиницу за полночь и долго не мог уснуть. Да и было о чем пораздумать. Но даже теперь он все еще не придавал особого значения этой случайной встрече.

В кармане его пиджака лежал документ

М А Н И Ф Е С Т

добровольного общества телепатов

Мы, телепаты Земли и всей Солнечной системы, собравшись на свой Первый Учредительный съезд, торжественно провозглашаем:

1. Великое достояние человечества — способность непосредственно передавать мысли и образы — только на пользу человечеству!

2. Долой слова, жесты, мимику — да здравствует непосредственный обмен мыслями!

3. Непосредственно обмениваться мыслями могут только те, у кого есть мысли. Противники телепатии не могут обмениваться мыслями. Следовательно, у них нет мыслей.

4. Телепатия существует независимо от того, признают ее противники телепатии или не признают, объяснена она наукой или еще не объяснена.

5. Запрещается обмен мыслей на предметы ширпотреба.

6. Запрещается использовать телепатические способности в корыстных целях, как-то: выигрыш на лотерейный билет, внушение девушкам любви к себе, подслушивание и подглядывание чужих мыслей и т. д.

7. Членом добровольного общества телепатов может стать любое наделенное разумом существо с Земли и прочих планет Солнечной системы. Противники телепатии, как обделенные разумом, в общество не принимаются.

8. Да здравствует дружба и сотрудничество телепатов всех стран и планет!

Принято единогласно 21 мая 196... г.

г. Москва

2. ПОЕДИНОК ПОД ВОДОЙ

В этот забытый богом уголок его доставили с соблюдением всех правил секретности.

Из окна вертолета он видел только серую безжизненную тундру, плоскую в сторону материка, скалистую, искромсанную заливами — к океану. «Чужая, необитаемая планета», — подумал он, с надеждой отыскивая признаки жизни и не находя их.

Едва он вылез из вертолета, возле него остановился защитного цвета легковой вездеход, распахнулась дверца, и молоденький морской офицер сухо пригласил садиться. Он успел разглядеть только скалы, вовсе не такие уж безобидные, какими казались сверху, — словно кто-то нарочно изуродовал землю, нагромодив эти причудливые каменные абстракции. В разрыве между скал грузно шевельнулась тяжело-серая стена океана.

Вездеход быстро прошмыгнул через уютный маленький городок со светлыми домами — и потянулась перед глазами извилистая асфальтовая лента, а вокруг опять ничего, даже привычных вдоль дороги телеграфных столбов. Морячок значительно молчал.

Впереди показалась черная дыра туннеля. Два солдата с автоматами наперевес остановили вездеход, козырнули, подозрительно оглядев человека в штатском, молча проверили документы. Когда в дали туннеля забрезжил дневной свет, вездеход неожиданно свернул в сторону и пошел под уклон. Спуск продолжался довольно долго. Он сказал:

— У меня такое впечатление, будто мы едем прямо в океан.

— Вы не ошиблись, — сдержанно улыбнулся его спутник.

Туннель расширился, появились фонари. Вездеход остановился у массивных стальных ворот.

— Прибыли.

В этой обстановке таинственности и полумрака он чувствовал себя нелепо лишним — человек в сером плаще, серой шляпе, с простым дорожным чемоданом. Прошли несколькими широкими бетонными коридорами, и он никак не мог понять, что это, еще улица или уже помещение. В одном месте аппетитно пахло борщом. Из-за угла вывернул плотный круглолицый моряк лет, наверное, тридцати пяти, но уже почти седой.

— Наконец-то! — громко воскликнул он. — Отчаливать пора.

— Вертолет задержался, товарищ командир.

— А, брось! У тебя всегда что-нибудь... Ну, будем знакомы. Хоменко. — Его рука была как тиски.

— Кочин.

— Мне, товарищ Кочин, приходилось и раньше гражданских на борт брать, — добродушно басил Хоменко, забавно переваливаясь на ходу. — Двое газетчиков были, кинооператор, даже один поэт, тот самый, которого все ругают, а он еще ничего не написал, слышали, наверное? А вот ваша специальность... впервые сталкиваюсь. Что это Министерство Обороны иллюзионистами заинтересовалось?

Кочин едва успел раскрыть рот, чтобы объяснить, что между иллюзионистами и телепатами существует некоторая разница, но командир уже раскатисто смеялся:

— Понимаю, товарищ Кочин, все понимаю. Меня адмирал персонально накачивал два часа, и о значении вашей работы говорил, и разное прочее. Только странно все-таки...

У какой-то дверцы в узком коридоре остановились, командир гостеприимно распахнул ее.

— Вот ваша каюта, товарищ Кочин, располагайтесь, а мы с Левой в одной уместимся, все равно спать по очереди.

— Как, — удивился Кочин, — это уже лодка!?

— Разумеется. А вы разве не заметили гермотрап?

Кочин ничего не заметил, но теперь понял: это подводный порт подводного флота, стало быть, и причалы подводные.

— Нулевка налево, душ направо, правда, водичка в нем морская, соленая, ну да ничего, привыкнете, мыльце специальное, соответствующее. Обед через тридцать минут, там встретимся. — И оба исчезли.

Кочин думал, подводная лодка — это теснота и тусклые пыльные лампочки, вечно пригнутая голова и запах перегретого машинного масла. Но это был если и не дворец, то уж по крайней мере завод, большой и довольно просторный, а главное, на редкость разумно организованный. И подводники оказались ребята славные: веселые, толстошекие, разговорчивые. В первый же день трое из них простодушно попытались выяснить, что ему нужно на подлодке и почему это командование отдало новейшей конструкции атомоход в его распоряжение на целых две недели. Особенно веселым оказался тот самый Лева, старший помощник командира. Как раз когда Кочин ложился спать, Лева часами разучивал в соседней каюте классические арии. У него был приятный тенор, зато слух не выдерживал никакой критики. Было куда как весело слушать этот тренаж перед сном самодеятельности флота.

С новым образом жизни Кочин освоился быстро. Пристроил на столе фотографию Кати с Костькой, разложил по местам немудрящее содержимое чемодана, тапочки сунул под койку — вот и временный уют человека, привыкшего к бесконечным командировкам. Уже завтра подводная лодка перестала интересовать его. Он думал часами о Вадиме Петровиче, об их общей работе, о головокружительных перспективах этой работы, все больше тревожась за результаты предстоящего опыта, потому что от них зависело слишком многое.

На третий день в назначенное время он надел шлем, похожий на мотоциклетный, поудобнее уселся на койке, взял тетрадь, карандаш. Но сеанс что-то уж очень долго не начинался, секундная стрелка едва-едва шевелилась.

— В сия-я-я-ньи но-о-чи лу-у-у-нной... — как сирена боевой тревоги, взвыл за стенкой Лева.

У Кочина лоб вспотел под шлемом. Но дверь соседней каюты хлопнула, и великолепный Левин тенор удалился восвояси.

Почти сразу же он смутно увидел Вадима Петровича. Вообщето, строго говоря, он должен был видеть не индуктора, чело-века, ведущего передачу, а только передаваемые им образы, но он всегда сначала видел передающего. Враги их науки окрестили это «ясновидением». Что и говорить, словцо ядовитое, но когда Кочин принимал, ему было не до терминов. Постепенно образ Вадима Петровича прояснился, казалось, он сидит совсем рядом, где-то тут же, в подлодке. Он выглядел, как обычно, вяловатым и каким-то отрешенным, только взгляд его, упорный, волевой, был полон энергии. Видно было хорошо, так что стальные стены лодки и полукилометровая толща воды, вероятно, никак не влияли на прием. «Ну, что я говорил! Что я говорил! Для мысли преград не существует!» — вертелось в голове, мешая сосредото-читься.

Чья-то рука через равные промежутки времени подавала листок, Вадим Петрович долго изучал этот листок, точно было на нем что-то мудреное, а не простейшая фигурка, потом становилось видно, что там нарисовано, и Кочин срисовывал к себе в тетрадь эти ромбики, квадраты, кружки.

Так буднично прошли первые три сеанса. А на четвертом в разгар приема четкий образ Вадима Петровича неожиданно расплылся. Кочин увидел незнакомое лицо — удлинненное, суровое. Человек, которого он теперь узнал бы из тысячи других, пристально вглядывался... в стену. Сначала Кочин не очень-то встревожился по этому поводу, мало ли что может произойти, ему просто стало любопытно, что же за случай такой вышел. И тут

на лицо незнакомца наплыло лицо Вадима Петровича. Но это был совсем не тот Вадим Петрович, которого он так хорошо знал! Впервые увидел Кочин Вадима Петровича каким-то даже страшным в своем сосредоточенном стремлении передать мысль в пространство, впервые почувствовал, что смотрит на него не как на друга и товарища по трудным опытам, а как на врага — с опаской и непонятым злорадством.

Вадим Петрович получил очередной листок, но прежде чем сосредоточиться и понять, что там изображено, Кочин приметил кончик карандаша, рисующего спиральку. Почему рисующего?.. Ведь эта чертова спиралька должна быть уже нарисованной!

Новый листок в руках у Вадима Петровича. И снова карандаш выводит контуры домика.

Вот дьявольщина! Что это — новое открытие или провал опыта?

По привычке его рука зарисовывала все, что он успевал увидеть. Но уже тревожной морзянкой выстукивало под шлемом: перехват! Кто-то перехватывает передачу, предназначенную ему! Он плюнул на фигурки и занялся исключительно этим типом, перехватчиком. И вдруг увидел на нем китель, явно морской, но чужего образца, и незнакомые петлицы!

Прервав сеанс, Кочин выскочил из каюты и, как был, в шлеме, помчался искать командира. Хоменко в кают-компании пил кофе.

— Товарищ... там... перехватчик! — Кочин не мог найти слов от волнения, и командир только улыбнулся. Видимо, он не очень-то верил в опыты своего пассажира, хотя добросовестно, как положено военному, исполнял все, что от него требовалось.

— Успокойтесь, товарищ Кочин, — сказал он мягко, но все же с усмешечкой. — У нас новейший подводный локатор, мощные гидроакустические установки и все прочее, что полагается. Современная подлодка способна обнаружить «перехватчика», как вы изволили выразиться, несколько раньше, чем любой ее пассажир. Даже если он и...

И снова принялся за кофе. Кочин выхватил у него чашку, одним глотком вылил раскаленный кофе в рот, обжегся, но обрел дар речи, а командир сразу настроился на серьезный лад.

Через минуту прозвучал сигнал боевой тревоги.

— В каком направлении обнаружили вы этого человека? — строго спросил Хоменко. Кочин не колеблясь указал рукой. — И как далеко? — Кочин замялся.

— Мне обычно кажется, что это совсем близко, где-то рядом. Я не могу определять расстояние, для меня его попросту не существует. Но на этот раз, по-моему, и вправду было недалеко.

Командир скомандовал курс и полный вперед.

Кочин всегда принимал наедине, в полном покое; ему требовалось сосредоточиться. Но здесь он забыл в волнении, что рядом командир, что подводная лодка мчится на полной скорости и что он не просто видит этого типа, а видит его загадочным телепатическим зрением. В колоссальном напряжении всех внутренних сил он видел его, казалось, как и командира, — глазами. И он попросил:

— Чуть левее, пожалуйста.

Хоменко удивился, но послушно скомандовал поправку.

Прошло полчаса тягучего ожидания, не меньше. Наконец в командирском отсеке раздался голос:

— Прямо по курсу подводная лодка незнакомой конструкции!

Действительно, на экране локатора, как раз в перекрестии, появилась темная точка. На секунду Кочин увидел мчащееся в воде остроносое стремительное чудовище — торпеду, огненный всплеск и медленно опускающийся надломленный посередине сигарообразный корпус чужой подлодки. Это еще что!? Он взглянул на Хоменко — глаза командира азартно поблескивали.

— Это делать нельзя! — неожиданно для себя строго сказал Кочин, и командир даже не заметил, что другой человек прочел его мысли. — Для нас важна не лодка, а тот... человек.

— Пожалуй. Но сто чертей! Дорого бы я дал, чтобы знать: видят они нас, нет?

— Для чего?

— Нужно подойти как можно ближе, но чтобы они нас не обнаружили. А лодка незнакомой конструкции, это у них что-то новенькое, понятно? А вы не могли бы узнать, видят они нас?

Кочин улыбнулся такому нелепому вопросу. Конечно же, он никого и ничего не мог видеть, кроме того длиннолицего, а длиннолицый сидел один в пустой каюте и наверняка сам ничего не знал.

— Как же это можно сделать?

— Очень просто. Надо только взглянуть на их локатор, вот на такой же или очень похожий экран.

Кочин взглянул и увидел: экран пуст. Но он увидел это не своими глазами, а спокойными насмешливыми глазами какого-то другого человека, с физиономией морского пирата и трубкой в зубах, очевидно, их командира.

Вскоре Хоменко скомандовал стоп. Остановились где-то на границе досягаемости той лодки.

— Спасибо, товарищ Кочин. Очень ценные сведения. Теперь я с ними и сам справлюсь, а вы следите за своим «перехватчиком». Я вам не мешаю?

— Что вы, никогда в жизни не принимал так хорошо,—сказал Кочин, хотя присутствие командира, конечно, отвлекало.

Но эта неизбежная помеха с лихвой перекрывалась охватившим его азартом, сознанием собственного всемогущества: его, чужого здесь, штатского, беспрекословно слушается мощный боевой корабль, он может все — не только засечь перехватчика, но и проникнуть в чужую лодку. Наверное, так чувствовали себя боги, если они когда-нибудь существовали.

— Что он делает сейчас?

— Этот тип? Ничего, просто сидит у себя в каюте. Видимо, наш сеанс уже кончился. Перед ним блокнот и карандаш. Минутку, что это? Рюмка!

— Виски?

— Едва ли. Во время сеанса это недопустимо. Капает какие-то капли. Выпил. Странно, стимулятор, что ли?

— Допинг, — сказал Хоменко.

Лодка на экране дрогнула и сдвинулась вправо. Соблюдая ту же дистанцию, командир начал преследование. Прошло около двух часов.

— Сейчас они войдут в наши территориальные воды, — заметил Хоменко. — Тогда у нас будет больше прав...

— Ради бога, командир!

— Да нет, что вы! Пожалуйста, наблюдайте. Это на самый крайний случай. Что он делает?

— Да ничего, просто отдыхает.

— Отдыхает? Нашел где отдыхать. Самое подходящее место! Ага, они остановились. Стоп!

— Слушайте! — Кочин совсем не вежливо схватил командира за локоть. — У него карта... и компас. Повернулся в другую сторону. Готовится к приему...

— А теперь что?

— Ах, подождите, не мешайте!

Худошавое лицо незнакомца напряглось. Несколько минут Кочин не видел ничего, совсем ничего. Потом появилось сосредоточенное лицо молодого солдата. Нашего. Да, молния связиста на погоне. Солдат старательно читал какие-то цифры на ленте, ползущей под рукой. Незнакомец, лицо которого накладывалось на лицо солдата, начал торопливо записывать.

— Пишите! — крикнул Кочин, боясь оторваться от этого тройного изображения: длиннлицего, солдата и цифр. — Пишите: «7, 3, 1, 4, 7, 7, 9, 1, 4». Стоп! Новый ряд: «9, 9, 1, 9, 7, 7, 4, 8, 6, 9, 1, 5, 2». Все!

На лице Хоменко обозначились жесткие морщины.

— В каком направлении он принимал? — На стол перед Кочиным легла карта. Берег был близко — изорванный, коричневый, видимо, очень гористый. — Мы вот здесь. — На карте появилась точка.

Кочин провел уверенную линию. На коричневом берегу линия уперлась в кружок какого-то знака.

— Гад! — глухо выдавил Хоменко. — Шифр нашей радарной станции. Смотрите, они уходят. Полный вперед! Не удрали бы за пределы наших вод, тут совсем рядом!

Лодка на экране росла, приобретая все более отчетливые контуры. Длиннолицый, ни о чем не подозревая, дремал, откинувшись на спинку кресла. «Сейчас они уйдут, — подумалось Кочину, — и никакой феномен «пси» не поможет, черт бы его побрал!» — И он с ненавистью глянул в самодовольное лицо этого типа. Тот вздрогнул и открыл глаза. В его глазах Кочин увидел ужас, а вслед за тем увидел себя, Кочина, — грозного, наступающего, карающего. Длиннолицый вскрикнул, отпрянул, и Кочин, стараясь не упустить его, рванулся вперед и вытянул руки, чтобы схватить врага за тощую жилистую шею.

Руки его наткнулись на стену.

Хоменко что-то скомандовал, а может, и несколько команд успел подать — Кочин не заметил, много ли времени прошло. Лодка дрогнула, и командир всем корпусом подался к экрану локатора.

Полные ужаса глаза все еще стояли перед Кочиным. Длиннолицый сидел, точно загипнотизированный, не в силах шевельнуться. И тут хлопнул тупой тугой взрыв. Длиннолицый дернулся — и сразу глаза его стали стеклянными. Представление окончилось.

— Еще немного, и ушли бы, — словно извиняясь, сказал Хоменко. — А с такими сведениями, сами понимаете, я их отпустить не мог.

От ударной волны лодку качнуло. Кочин с облегчением сошел с головы шлем.

Т Е Л Е Г Р А М М А

Москва Институт экспериментальной психологии Шокальскому

Ломаю голову над представлением вашего сотрудника Кочина пражительственной награде тчк Посоветуйте, как поудобнее назвать его должность Приветом адмирал Горшенин

ТЕЛЕГРАММА

Северогорск, ВМУ — 183
Горшенину

Учитывая что дальнейшие случаи подобных награждений не за горами удобнее всего назвать телепатом Шокальский

3. СТРАННЫЕ ЛЮДИ, СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Протокол

заседания комиссии АН СССР 12 марта 197... г.

(в целях экономии места факты, уже известные читателю, опускаются)

Председатель комиссии. Ну что ж, приступим, товарищи. Попробуйте нас убедить. Слово имеет профессор Локтев, пожалуйста!

Локтев. Я постараюсь лишь изложить факты, результаты опытов и наблюдений, которыми мы занимались в течение последних нескольких лет...

...К сожалению, мы ничего или почти ничего не знаем ни о приемном, ни о передающем аппарате парапсихологии. Для науки это по-прежнему загадка. Но, откровенно говоря, человеческая психика вообще во многом остается загадкой — не закрывать же из-за этого цивилизацию. Так вот, приемный аппарат перцепиента Кочина по сравнению с другими людьми чрезвычайно развит и за счет наследственных признаков, и за счет специальной тренировки. Вероятно, это качество человека, как и другие, может развиваться практически беспредельно. Только не улыбайтесь, товарищи! Не надо смотреть на парапсихологию как на некую мистическую силу. Слишком многими фактами мы располагаем, а от фактов не так-то просто отмахнуться, да и надо ли отмахиваться, если даже первые опыты сулят нам такие плоды?

Реплика с места. Какие такие плоды!?

Локтев. О мыслепередаче Москва — Владивосток вы, вероятно, читали в газетах. Могу только добавить, что всякие случайности в этом эксперименте исключены, он проводился под наблюдением авторитетной комиссии, в которую входили и наши оппоненты. Процент правильно принятых изображений в десятки раз превышает возможный вероятностный результат. Далее, чтобы выяснить сущность телепатического механизма, перципиента помещали в камеру, полностью отражающую радиоволны, внутрь сильного магнитного поля, наконец, на подводную лодку на глубине порядка пятисот метров. Результат, товарищи, тот же...

Реплика. И это вы называете «плодами»!?

Локтев. Да, это мы называем плодами. Но позвольте продолжить. Известные нам органы чувств человека далеко не совершенны. В обыденной жизни мы не можем пожаловаться на свое зрение... (Смех: протирает очки.) Но чтобы наше зрение отвечало требованиям современной науки, в помощь глазам пришлось подключить микроскоп и телескоп, телевидение и локатор, радиотелескоп и спектрограф. Что же можно сказать о телепатии, которая и без того находится в подавленном, заторможенном состоянии?..

Реплика. А может, в зачаточном состоянии?

Локтев. Едва ли, но в данном случае это дела не меняет. Я хочу сказать, что способности перципиента Кочина требуют, во-первых, тренировки, а во-вторых, каких-то усиливающих приспособлений. Вы, конечно, понимаете, как это сложно, поскольку о механизме телепатии мы все еще имеем весьма смутные представления. И все же нашему институту удалось кое-что сделать в этом направлении.

Реплика. Любопытно, что же?

Локтев. Вопрос, товарищи, слишком специальный, я не могу сейчас на нем останавливаться. Мы представили доклад, интересующиеся могут ознакомиться. Во всяком случае, после событий на подводной лодке, где способности перципиента прояви-

лись особенно полно, нам удалось не только закрепить их, но и значительно усилить, о чем убедительно свидетельствует экспериментальный материал. У нас создается впечатление, что, раз научившись видеть на расстоянии, индивидум закрепляет эту способность мгновенно, подобно тому, как научившийся плавать уже никогда не разучится. Отсюда мы сделали вывод, что телепатические способности как бы «запечатаны» в генетической памяти человека, и нужно лишь «распечатать» этот код, что и составляет главную трудность. В прошлом, вероятно, подобные способности были свойственны всем, но из-за редкого пользования прочно забылись нашим биологическим аппаратом, как, скажем, способность шевелить ушами. (Смех.) Нам кажется, восстановление этого навыка в широких масштабах — одна из ближайших задач науки.

Реплика. Первостепеннейшая задача, что и говорить! (Смех, редкие аплодисменты.)

Председатель. Вкце-адмирал Горшенин.

Горшенин. Для меня не совсем понятен скептицизм представителей, так сказать, «чистой» науки. У нас, в вооруженных силах, на такие вещи смотрят более трезво. Я вовсе не склонен рассматривать телепатию как мистику, но я сказал бы так: если мистика годится для обороны, давайте нам и мистику. Должен вам доложить, в военных кругах весьма заинтересовались способностями товарища Кочина. Генеральный штаб...

...Но боюсь, товарищи, что пока мы с вами спорим, мистика это или не мистика, наш потенциальный противник ушел в изучении вопроса далеко вперед.

По просьбе Академии наук один из наших флотов выделил для товарища Кочина подводную лодку новейшей конструкции...

...Я думаю, это весьма существенные доводы в пользу серьезного отношения к тому явлению, которое продемонстрировал товарищ Кочин, не знаю уж, как вы его предпочитаете называть: парапсихология, телепатия или феномен... феномен...

Локтев. Пси.

Горшенин. Вот именно — пси, благодарю вас.

Председатель. Что касается меня, я бы отбросил все эти загадочные названия, эти «пара», «пси». Куда лучше доброе старое «телепатия». Почти как телевидение. Далеко — вижу, далеко — чувствую. Правда, не совсем точно «чувствую», но что поделаешь, язык беден перед лицом науки! Продолжим, товарищи.

Отдел парапсихологии считался в институте самым странным. И не только потому, что на них смотрели как на алхимиков экспериментальной психологии, а величественная институтская касирша каждый раз швыряла им зарплату, как личную милость. Странными были они сами.

Пожалуй, группа начала свое существование с той самой встречи на литературном вечере в Политехническом. Первые опыты они провели на свой страх и риск — Кочин отправился в отпуск во Владивосток, а Вадим Петрович каким-то чудом сколотил общественное мнение в Москве. Опыт удался, газеты напечатали сенсационный материал о мыслепередаче Москва — Владивосток, поднялась обычная шумиха, но прежде чем все стихло, как это бывало уже не раз, на их небосклоне взвился старик Шокальский, ученый с мировым именем и энциклопедическим кругозором, шествующий из науки в науку и каждую ода-ривающий своими бредовыми, фантастическими, великими идеями. Собственно, он не закапывался глубоко ни в одну из наук, он умел перекидывать мостики между ними, по которым и проложил свой путь к мировой славе. С приходом Шокальского телепаты обрели весомость, их официально признали, включили в штат Института Экспериментальной психологии, выделили ассигнования.

Однажды Шокальский привел Локтева. Рядом с монументальным Локтевым козлобородый Шокальский выглядел карикатурой на ученого. Но внешность оказалась обманчивой: Локтев звезд с неба не хватал, хотя был и фундаментален, и усидчив, и рабо-

тящ. Вот, впрягли в одну повозку вола и грепетную лань, и ничего, получилось, в науке бывает. Потом пришли другие, однако никто, даже Шокальский, их официальный руководитель, не мог ничего изменить в атмосфере «отдела телепатологии», как прозвали их недруги, в той атмосфере, которую создал и поддерживал Вадим Петрович. Он был душой всего.

Что представлял собой Вадим Петрович?

Седой, одутловатый, весь сивый, с больным сердцем и памятым нездоровым лицом, мешковатый, медлительный, апатичный, — но взгляд!.. Сколько энергии, сколько воли излучали глаза этого внешне безвольного человека! Иногда Кочину казалось: так удав смотрит на кролика.

Образование — среднее. Должность — младший научный сотрудник. Его послужной список был парадоксален, как он сам. В сорок пятом демобилизовался в звании гвардии сержанта, десять лет вел в школах и техникумах самодеятельные кружки чуть ли не на общественных началах, числился художественным руководителем районного Дома культуры, потом подвизался в цирке. Когда с ним познакомился Кочин, он уже не был никем, кроме телепата-любителя, обивал пороги научно-популярных журналов, чтобы прокормиться, его везде знали как чудака-энтузиаста, всюду любили, но нигде не печатали. И в то же время углублялся в нехоженые дебри человеческой психики, переписывался с мировыми знаменитостями и экспериментировал, экспериментировал, мечтая об официальном признании своей науки, о государственных масштабах в постановке опытов.

И этот странный человек без образования, а для многих — и без фамилии стал фактическим руководителем отдела академического института. Несомненно, в телепатии, да и вообще в психологии, он был специалист номер один, и сам Шокальский не только всегда считался с его мнением, но даже вроде побаивался. Поначалу как-то смутно побаивался и Кочин — Вадим Петрович умел приобретать непонятную власть над людьми. Первое время Кочину казалось, что Вадим Петрович немножко того... Но нет,

мыслил он вполне здраво. И со временем Кочин решил, что берет он увлеченностью, непоколебимостью веры. Как вспыхивал этот апатичный человек, как гневался, когда кто-нибудь позволял себе хотя бы усомниться в его вере, и как умел радоваться и ликовать, когда дело шло на лад!

Индуктор он был уникальный, во время сеанса мог два-три часа подряд не думать ни о чем постороннем. Кочин проводил опыты и с другими индукторами, уж кто-то, а он-то, читающий их мысли, знал, как трудно сосредоточиться даже на пятнадцать минут. И это тоже было удивительно.

Несколько лет они работали вместе, почти ничего не зная друг о друге. Кочина подмывало любопытство: что движет этим человеком? Но спросить он не решался. И лишь недавно, перед самым заседанием комиссии, которая должна была решить их участь, Кочин получил от Вадима Петровича приглашение «на чашку чая».

— Я должен объяснить вам кое-что, Володя.

Кочин сидел на диване, а Вадим Петрович грузно прохаживался по комнате, среди книг, заложив руки за спину, и медленно, каждая фраза по отдельности, рассказывал. Говорил он довольно бессвязно, он вообще не умел говорить, но, вероятно, образовавшийся между ними телепатический контакт позволил Кочину ярко увидеть все, что Вадим Петрович, рассказывая, вспоминал.

— Я был зеленый пацан, совсем пацан, представляете, сразу после школы — на войну. Мы все наступали, наступали, а тут немцы контратакнули, мы заняли оборону, и наш полк попал в третий эшелон. Одним словом, солдатское счастье, хоть отоспаться можно. Да, а накануне меня немножко контузило, так, чуть-чуть, можно сказать, просто встряхнуло.

На рассвете уже, всю ночь протопав, заняли мы свою позицию. Наш старшина, жох-парень был, каким-то собачьим нюхом отыскал пустой блиндаж, и все мы, совершенно измотанные, попадали на пол и уснули. Я даже ни сапоги не снял, ни автомат,

ни подсумок. Уснул, как провалился. Проснулся только на следующую ночь, тоже уже к рассвету, и то потому, что приспичило. Вылез из блиндажа — и сразу вспомнил, какой мне сон снился, да так, знаете, отчетливо, просто удивительно.

Я, значит, сижу на бруствере окопчика, портянки перематываю. И вдруг появляется передо мной лицо. Не человек, а одно лицо, крупное, как в кино во весь экран. Странное лицо, вроде человеческого и вроде нет. Уставился я на него, он на меня, а глаза у него умнющие, насквозь видят. И тут он говорит... Заметьте, Володя, говорит, а губами не шевелит...

— Пойдем-ка, — говорит, — парень, со мной.

Ну, я не то пошел, не то уж не знаю как, а только вижу: это уже не Земля. Совершенно незнакомый пейзаж, черные оскаленные горы на горизонте, солнце не солнце, а рыжая тусклая копейка, и под ногами вроде какая-то жидкость, хотя и не проваливается. Он идет рядом со мной, почти человек, но все пропорции и все остальное... словом, явно не человек. И еще... это я не сразу заметил... весь я покрыт тонкой прозрачной пленочной, с головой и сапогами, только автомат поверх нее да ремень с подсумком. Когда, что — не знаю.

Тут выскакивает бог весть откуда стайка молодежи. Тот, что со мной шел, в годах был, а эти все мои сверстники, парни и девчонки. Веселые, проказливые, ну и одеты, мягко говоря, полетнему. Увидели меня, нисколько не удивились, окружили, рассматривают, ощупывают, хохочут.

— Кто это? — спрашивают. — Откуда?

— Наш гость, — говорит мой провожатый. — Помните, я вам рассказывал о трансполярности пространства? Вот, познакомьтесь, потолкуйте...

Понял я, что он их учитель, а я вроде как экспонат, наглядное пособие. Учитель ушел, я остался с ними. Они все один за другим исчезли, то есть скорее сквозь землю провалились прямо на моих глазах, и последняя оставшаяся девчушка с зеленой длинной косой на спине, совсем почти земная девчушка,

взяла меня за руку — и мы с ней тоже... не то чтобы провалились, а оказались на лужайке в саду, не то в парке, мягкая зеленая травка кругом, деревья, облака плывут и солнечного света вдоволь, хотя солнца и не видно.

Потолковать нам не удалось, а может, и не хотелось им, было похоже, что они оболтусы-таки, от учителя отделались — и ладно. Зато заинтересовал их мой автомат, упросили продемонстрировать, как действует. Я дал длинную очередь вверх, с деревьев ветки посыпались. Очень они удивились.

— Для чего это? — один парень спрашивает. Ну, конечно, он не спрашивает и я не отвечаю, но разговор идет нормально, будто так и предполагается.

— Стрелять.

— А для чего?

— У нас война, — говорю. — Фашистов гробить.

— А что такое война?

— А что такое фашисты?

Странно мне показалось: взрослые ребята, и таких простых вещей не понимают. Ну, объяснил я им популярно, кто такие фашисты. Никак не могли усвоить, что фашисты в общем-то тоже люди и что человек человека убивает. Начали рассуждать о каких-то непонятных мне материях, видно, пытались уяснить, что такое война. А потом по очереди постреляли из моего «ППШ» и оба диска, понятно, расстреляли. Стало им скучно со мной после этого, и разбежались они кто куда. Только та девушка осталась.

С ней-то и провел я весь день в этом счастливом саду... — Вадим Петрович умолк, в волнении прошелся по комнате. — И поверьте, она одна только и поняла все обо мне: кто я, откуда, какой я, что такое война и все остальное.

Наступил вечер. Она говорит, сейчас учитель придет, пора, мол, из сада уходить, потому что не то он закроется, не то вообще исчезнет. И вдруг спрашивает:

— А тебя на этой войне тоже могут убить? Так я поняла?

— Запросто, — отвечаю.

Прильнула она ко мне, за руку ухватилась... Славная такая девчушка...

— Оставайся у нас, — просит. — У нас хорошо. А там у вас опасно, там все сумасшедшие. И я без тебя, — говорит, — жить не смогу.

— Нет, — отвечаю, — милая, сейчас я не могу. Это вроде как дезертирство получится. Надо мне сначала на своей земле порядок навести, а уж там видно будет.

Она было пригрюнилась, но подумала — и повеселела.

— Ладно, ты прав, иди. Мужчина должен быть мужчиной. За это ты мне и полюбился. Но только обещай... обещай, что вернешься, когда я тебя позову! Обещаешь?

Я пообещал. Сунула она мне что-то в руку на прощанье... и все.

И вот стою я возле блиндажа, вспоминаю свой сон.

Любопытно?..

Вадим Петрович остановился перед Кочиным, взгляды их встретились. Глядеть в бездонную глубину глаз Вадима Петровича было нестерпимо, как в бездну Вселенной. Кочин отвел глаза.

— Любопытно, — подтвердил он. А про себя подумал: «Сказочка для моего Костьки». — Верно, это следствие контузии?

— Возможно. Но в общем, сознайтесь, сон как сон. Такие ли еще чудеса снятся людям!

— Тоже правильно.

— Правильно. Обычный сон, и я не стал бы вам его рассказывать, если бы не получил в тот же день наряд вне очереди от нашего старшины. И за что, думаете? Оба диска от моего «ППШ» оказались пустыми. А были полными...

Кочина передернуло холодком.

— Погодите, еще не все. Мог бы я и забыть, куда патроны расстрелял, мало ли что. И соврать мог. Но вот это...

Вадим Петрович разжал кулак. На его вспотевшей ладони лежала забавная штукавина: серая металлическая пластинка с каким-то чертежиком чернью и соединенный с нею миниатюрной цепочкой красный сверкающий кристалл в оправе.

— Что это?!

— Это... — Вадим Петрович запнулся. — Это подарила мне она...

Кочин нерешительно взял сувенир, рассмотрел, пожал плечами.

— Ничего не понимаю.

— А представьте, каково было мне — найти это у себя в ладони там, у блиндажа, — виновато улыбнулся Вадим Петрович. — Но теперь точно могу сказать: пластинка из чистого железа. Сто процентов железа, на анализ отдавал, и заключение экспертизы есть. У нас такое еще не научились делать. Слыхали о порошковой металлургии? А камешек — рубин.

— Рубин?

— Самый настоящий. И не случайно. Я и на войне, и после войны тысячи раз рассматривал этот чертежик... и ничего понять не мог. Только когда изобрели лазер...

— Боже мой, схема лазера!

— Ну да. Совсем просто. У них это, я думаю, вроде учебного пособия было. Или даже шпаргалка. Видите, какую возможность упустил. Мог бы первым на Земле изобрести лазер.

— Н-да! История.

— История.

— И что же та девушка?

— Ничего. Так я и не выполнил обещание. Не вернулся... даже во сне. Грустно. — Он замолчал. — Странная все-таки штука — сны. Не задумывались? Вот и Менделеев свою таблицу во сне увидел. Уж не так же ли, как я? А вообще, Володя, телепат я никудышний, только во сне. А вы настоящий телепат, можно сказать, единственный настоящий. Вот почему я так за вас ухватился. Все мои надежды на вас. И на предстоящий опыт.

Конечно, если разрешат. Поэтому не откажите старику, примите от меня в подарок...

— Что вы, что вы, Вадим Петрович!

— И не спорьте, слушать не хочу. Пусть это будет с вами, как талисман. На счастье. Очень в вас верю, Володя. Я ведь еще не теряю надежды... встретиться.

«Явно чокнутый, — думал Кочин, возвращаясь от Вадима Петровича. — Видно, все-таки здорово его тогда контузило. Чокнутый, чокнутый...» Но он и верил и не верил этому слишком уж простому объяснению.

П р о т о к о л

заседания комиссии АН СССР 12 марта 197... г. (продолжение)

Председатель. Член-корреспондент Академии наук Шокальский.

Шокальский. Моя задача, товарищи, чрезвычайно трудна, и я несколько не удивлюсь, если гипотеза, которую я сейчас здесь изложу, будет воспринята как авантюра.

Мой первый исходный пункт. Очевидно, на высшей ступени развития любая из космических цивилизаций придет к непосредственному обмену мыслями, без помощи слов и знаков. Язык, благодаря которому мы имеем счастье общаться друг с другом, орудие весьма примитивное, потому что слова всегда были лишь символами, знаками, обозначающими общее в понятии, но отнюдь не индивидуальное, которое несравнимо содержательнее общего. Непосредственный обмен мыслями освободил бы человека от приблизительности и неточности словесного общения и буквально раскрепостил бы его. Вот почему, я думаю, всякая цивилизация, чтобы достигнуть своего высочайшего уровня, рано или поздно, используя естественные возможности или создав искусственные, придет к этому.

Второй исходный пункт. По мере развития науки и техники менялись и наши представления о способах общения с внезем-

ными цивилизациями. Сначала средством такого общения мыслились только ракеты, затем в нашем арсенале появились радиопереговоры и лазеры. Но не секрет, что на пути каждого из этих видов связи стоят весьма труднопреодолимые препятствия. Не проще ли предположить, что высокоразвитые цивилизации общаются между собой... непосредственно? Просто с помощью обмена мыслями, образами? Ведь очевидно, что для такого общения не существует препятствий, и прежде всего, колоссального временного интервала. (Пауза. Тишина.)

Очевидно, как передающая, так и принимающая цивилизации должны иметь какие-то весьма мощные усилительные приставки. Довольно надежную приставку такого рода мы уже имеем. Кроме того, хорошо себя зарекомендовал особый биологический стимулятор. Эксперимент полностью подготовлен, перципиент Кочин перед вами, я думаю, в его способностях никто не сомневается. Остается пустяковый вопрос: для проведения эксперимента нужен спутник, находящийся на расстоянии порядка тысячи километров от Земли. Спутник нужен, чтобы обеспечить полную чистоту приема и отгородить перципиента от земных помех. Собственно, для решения этого вопроса мы и собрались сегодня...

Председатель. Ну, допустим, не только для этого.

Шокальский. Мы предлагаем использовать для эксперимента астрономический спутник «Радуга-3». Разумеется, придется его несколько переоборудовать и на время выселить астрономов. Вот, товарищи, и все.

Председатель. «Просящая» сторона высказалась полностью. Приглашаю оппонентов. Вы, кажется, собирались, Семен Аркадьевич?

Реплика с места. Молчу.

Председатель. Арон Леонтьевич?

Реплика. Скажите, существует ли какая-нибудь угроза здоровью перципиента?

Локтев. Никакой.

Реплика. У меня нет возражений.

Председатель. Пожалуйста, Софья Николаевна.

Реплика. Откуда такая уверенность, что некая цивилизация посылает свою «мыслепередачу» именно в сторону Земли?

Шокальский. Такой уверенности нет. Но как раз в этом-то и прелесть идеи космического мыслеобмена. Вспомните подводную лодку. Перцепиент Кочин принимал не только передающего, в данном случае, нашего уважаемого Вадима Петровича, но и «перехватчика». То есть, по сути, сам стал перехватчиком. Надеюсь, ясно?

Председатель. А что скажет Федор Ксенофонович?

Реплика. Скажу, что руководитель работ меня лично вполне убедил.

Председатель. И астрономы готовы уступить «Радугу-3» телепатиям?

Реплика. Не без задней мысли! Если опыт удастся, мы рады будем воспользоваться его результатами. И надеюсь, сведения получим первыми.

Шокальский. Получишь первым, Федя! Не обидим. (Смех, аплодисменты.)

Председатель. Товарищ Кочин.

Кочин. Я всегда готов. (Аплодисменты.)

Председатель. Ну и отлично, благодарю вас. Еще желающие? Тогда позвольте считать ваше молчание знаком согласия. Откровенно говоря, я и не ожидал иного хода обсуждения. Ну, как говорится, с богом! (Аплодисменты.)

4. КОНТАКТ

На «Радуге-3» было тесновато. Астрономические спутники этой серии вмещали всего четырех человек: командира корабля, бортинженера и двух астрономов, по очереди наблюдающих за избранным объектом. Слишком много места занимал телескоп,

который, разумеется, пришлось оставить. После монтажа аппаратуры весь астрономический отсек перешел во владение Кочина — теперь по крайней мере можно было двигаться, не боясь задеть приборы плавающей в невесомости непослушной ногой, и спать, вольготно вытянувшись в кресле. Другой отсек, командирский, вынужденно пустовал.

Настройка и последняя выверка аппаратуры шли успешно. Несколько раз в день он принимал Вадима Петровича. Кочин видел его совершенно отчетливо, как на экране телевизора, это было удивительно, но никто не удивлялся. Они разговаривали, как по радио, хотя радиосвязь была односторонняя: во время сеансов спутник на прием не работал.

Половина дня, занятая работой, пролетала незаметно. Зато вторая половина... Кочин впервые был предоставлен самому себе, впервые получил возможность о многом поразмыслить и многое взвесить. И он размышлял и взвешивал — что еще оставалось ему в эти долгие часы?

...Перед отъездом на космодром у него состоялся серьезный разговор с сыном.

— Папа, ты опять в командировку?

— Да, Костик, так нужно.

— И надолго?

— Вероятно, на месяц, не больше. Береги тут без меня маму.

— Папа, я давно собираюсь с тобой побеседовать. Ты не мог бы заняться чем-нибудь другим вместо своей телепатии? Ну, например, учить ребят. Ты же можешь учить ребят? Или писал бы какие-нибудь статьи... Ведь раньше ты писал статьи в журналах? Или уж просто ходил бы на работу, как все...

— А почему тебе не нравится моя теперешняя работа?

— Ну разве это работа? Мне приходится краснеть за тебя. У нас недавно выступал лектор, так он сказал, телепатия — это шарлатанство. И сразу все так посмотрели на меня — хоть под парту прячься.

— Н-да. А что это за лектор?

— Вполне авторитетный. Член общества «Знание».

— Ну так это был не лектор, а болван и невежда. Уверяю тебя, он понятия не имеет о телепатии. Подумай сам, разве государство стало бы тратить деньги на шарлатанство?

— Так-то оно так, но если бы я мог рассказать им про тебя что-нибудь такое, чтоб они поверили!..

В глазах мальчишки стояли слезы.

«Действительно, дрянь дело, — подумал Кочин. — Хуже всего, что я ничего не могу рассказать. Даже под честное пионерское. Если бы он услышал историю на подлодке! Или сон Вадима Петровича! Если бы знал, что я отправляюсь на спутник! Но для него это обычная заурядная командировка. А случись что-нибудь, человек всю жизнь будет уверен, что его отец был шарлатаном. Положеньице!»

— Ну вот что, сынок, очень скоро твои друзья смогут убедиться, что телепатия — вовсе не шарлатанство.

— Ты мне расскажешь что-нибудь о своей работе?

— Нет, но они все равно узнают.

— Из газет!?

— Может быть, и из газет.

— А почему ты не можешь рассказать? Что, твоя работа хотя бы секретная?

— Ну, не такая уж секретная. Работа как работа, просто пока еще рано говорить об этом.

Костик горестно вздохнул.

— Ладно, папа, я еще подожду. Возвращайся поскорее!

Он на мгновение прильнул головой к плечу отца, схватил пиджачок и, на ходу натягивая его, выскочил за дверь. Он торопился на кружок, страшно сказать — математической лингвистики!

«Все некогда, некогда, — глядя в окно, подумал Кочин. — Десять лет. Судя по наклонностям, уже почти сложившийся человек. Когда же ты собираешься заняться его воспитанием?»

«Почти сложившийся человек» деловито переходил улицу вни-

зу. Только что приехала поливальная машина. Костыка шлепнул ногой по лужице, полюбовался своим пестрым творением на асфальте, озабоченно оглянулся, не увидел ли кто, и с независимым видом зашагал дальше.

А тем временем его отец, за которого сыну приходится краснеть, торопливо собрал чемоданчик и укатил в городок космонавтов, где его включили в группу подготовки.

Кочин потер лоб, обвел взглядом уже привычную полусферу спутника и почти физически ощутил под рукой Костыкины непослушные вихры.

«Какая-то немыслимая гонка: едва закончится один эксперимент, уже нужно выезжать на второй и думать о третьем. С этой гонкой и сына прозевал. В голове у мальчишки одна техника. Понятно, двадцатый век! Проклятый однобокий век, любящий поболтать о гармоническом развитии личности. А на деле — ни личности, ни гармонии. Впрочем, кого винить! Вот уже год, наверное, собираешься рассказать ему древнегреческие мифы. Маленький человек должен прежде узнать и оценить человека, а потом пусть, коли будет охота, изучает машину. Вернусь со спутника, уж тогда непременно... — Но тут он вспомнил, что и прежде не раз думал так же и зарекался, а вот — ничего не сделал. — Подлое создание! Это же твой сын, единственный твой наследник на земле. Оставь хоть в нем частицу себя — в нем твое бессмертие!

Каким делом, какой общественной пользой оправдаешься ты перед мальчишкой? Перед его честными глазами? Только оглядываясь на детей, мы замечаем, с какой сумасшедшей скоростью несет нас по жизни. И нужно найти силы и остановиться, чтобы подумать о своем бессмертии — худеньком, со слезами на глазах, в куцем пиджачке...

Ан нет, некогда человеку, спешит, гонит в хвост и в гриву. А куда спешить? Зачем? Чего ради?»

Кочин остановил нашествие мыслей. Оттолкнувшись ногой, закрытил кресло. Один оборот... два... три.

Действительно, с каких это пор он стал таким? Давно ли еще говорила Катя: «Кочин, чтобы свернуть горы, тебе не хватает только тщеславия». И вот он чувствует себя в состоянии свернуть горы, а тщеславия не прибавилось. Шумная слава Вольфа Мессинга, например, его нисколько не прельщает, хотя со стариком Вольфом Григорьевичем встречался не раз, так себе теплелпат, скорее — артист.

Жил человек, спокойный, тихий, по природе домосед, больше всего на свете не любил командировок. Всегда довольствовался малым, во всем был вторым: и в учебе, и в гимнастике, и потом в науке и умом и остроумием, и характером, — а кто-то другой был первым. И никогда никому не завидовал, не рвался в первые, и так было хорошо.

И вдруг — словно подменили человека: поездка за поездкой, опыт за опытом, и конца им не видно. Магнитная камера, подводная лодка, центрифуга, батут, сверхзвуковые истребители, спутник... И кто знает, что дальше. Да и что дальше — только звезды! А ему все мало, все мало, подавай еще, сам придумывает эксперимент за экспериментом. Что это — стремление быть первым? Куда там, в своем деле он уже давно Зевс-олимпиец, и нет ему равных.

«Уж не со встречи ли с Вадимом Петровичем это началось, когда ты впервые почувствовал свое могущество? Вспомни, как это завлекало — открывать в себе, а следовательно, и вообще в человеке, все новые и новые возможности. Тебя трясло от нетерпения перед каждым новым опытом, как мальчишку, идущего на первое свидание. Ты обрел полноту жизни, почувствовал себя необходимым, и уже не жизнь стала распоряжаться тобой, а ты ею. «Азарт работы», «нашел себя» — разве не в этом дело? Нет, не в этом, хотя это тоже повлияло. Так что же тогда?»

Нет, он еще не знал наверняка, что сделало его совсем другим Кочиным. И то ли этот невыясненный вопрос, почему-то ставший вдруг таким важным, то ли непривычная возможность много и волюотно думать «на общие темы», то ли вынужденное

безделье раздражали его. Он расстраивался, нервничал, замечал, что становится рассеянным, и еще больше нервничал.

Пришлось крепко взять себя в руки: в самые ответственные минуты он не имел права быть ни отцом, ни даже просто человеком, потому что он — зрение и слух Земли.

Утром того долгожданного дня появился Вадим Петрович, как всегда, чуть-чуть апатичный, какой-то отрешенный, но одетый по-праздничному и чисто выбритый. Теперь-то Кочин знал, в ожидании какого праздника живет этот непостижимый человек.

— Вас не тревожит невесомость? Не давит на психику? — спросил он, смущенно улыбаясь. — Как пища? Не надоела?

— Меня мало волнует пища, — ответил Кочин в микрофон. — Хотя, признаться, не отказался бы от горячей картошки с селедочкой. И с зеленым лучком...

Вадим Петрович находился совсем рядом. Психологически к этому трудно было привыкнуть, и это постоянно беспокоило Кочина. Ему казалось, это не обман чувств, а реальность, необъяснимая реальность, с которой он уже полностью освоился, осталось только понять. Еще во время монтажа аппаратуры, когда что-то не ладилось в одном из блоков, они консультировали Кочина: Шокальский рисовал чертежик, а Вадим Петрович передавал. И там была одна линия... одна жирная карандашная линия, которую Шокальский вписал совсем не туда, а в ней-то и состояла вся загвоздка. И тогда в нетерпении Кочин провел ногтем по бумаге... то есть он опять протянул руку в сторону чертежа и наткнулся на обшивку кабины. Но старик Шокальский почему-то сразу понял. Пожалуй, эта странная иллюзия больше всего тревожила Кочина в последние перед экспериментом дни. Он попробовал объяснить это Вадиму Петровичу, Шокальскому, Локтеву, там посвещались, но не нашли ничего странного.

— А вас не смущает, что мы в Москве видим крупным планом диктора Нью-Йоркского телевидения? — спросил Шокаль-

ский.— Вероятно, крупность изображения — величина изначальная.

— Меня тревожит не крупность, а мнимое отсутствие расстояния. Но это так смутно, я ничего не могу объяснить толком...

— Вы не чувствуете пространства? — не глядя в глаза, спросил Вадим Петрович. Кочину показалось, он хочет сказать еще что-то, но перебил Шокальский:

— Обычная иллюзия! — Это предназначалось не для Кочина, но Вадим Петрович незаметно для себя, механически передавал. — Думать, что пространство исчезает лишь потому, что ты его не воспринимаешь — чистейший идеализм. Наш дорогой Володя хромает в философии.

Что они могли объяснить, если сами не чувствовали этого!

Последний сеанс состоялся за два часа до начала решающего эксперимента. На прощанье Вадим Петрович мысленно обнял Кочина, и Кочин увидел это скупое мужское объятие как бы со стороны, и у него сдавило горло, и он тоже мысленно обнял Вадима Петровича, хотя Вадим Петрович видеть этого, разумеется, не мог, и жену, и сына, и всех, всех...

И сразу сел в кресло и начал поудобнее прилаживать свой мотоциклетный шлем, связанный гибким кабелем с усилительной аппаратурой. Потом выверил показания приборов. Потом принял «допинг», подождал и подал команду в микрофон:

— Включение.

И на всякий случай тронул повлажневшей рукой талисман.

Он ждал два часа, сосредоточившись, сжавшись, готовый к любым неожиданностям. Перед ним был микрофон, тетрадь, карандаш. Остроумная аппаратура ограждала его от помех — от мыслей всех людей Земли. Два часа он напряженно всматривался внутренним зрением в бездну Вселенной — Вселенная была пуста.

— Одно из двух, — сказал он после сеанса Вадиму Петровичу, — или мы в нашей Галактике одни-одинешеньки, или я слишком слаб, чтобы увидеть их.

Там, на Земле, старик Шокальский даже вскочил со стула.

— Скажи ему, Вадим Петрович, скажи, передай: или ты слишком нетерпелив! Именно, именно! Ишь ты, захотел за час узреть все тайны мира! А если придется год просидеть на спутнике, у тебя терпения хватит?

— Хватит! — крикнул Кочин в микрофон.

«Неужели это? — вдруг ожгло его. — Неужели я готов просидеть здесь и год, и пять лет, без Кати, без Костыки, чтобы только доказать всемогущество мысли? Чтобы открыть себе — себя и человечеству — человека? — Ха, да ты, кажется, тоже чокнулся, Кочин! Недаром врачи считают, что телепатия — удел психически больных. — Но врачей ни разу не трясло от азарта, как трясло меня, когда я ловил чужую мысль, недоступную никому. А может, наоборот, только телепаты здоровы, а все прочие больны, и я излечу человечество от недуга? Верну утраченную способность видеть... слышать... чувствовать на расстоянии? — Ай да Кочин, ну и пижон! Да ты и в самом деле возомнил себя богом!? — Каким там к черту богом! Бог, прикованный к спутнику. Бог, мечтающий о селедке. Я всего лишь старший научный сотрудник с окладом 150 рублей. Но какие перспективы! И неужели это может сделать только один человек на свете — я? Тогда, разрази меня гром, сделаю!»

И снова шлем, снова «допинг», снова сухая команда «включение» — и собранность, внимание, азарт, не человек — телепатический приемник. Неужели и впрямь сидеть здесь год? А если действительно нет во Вселенной ни одного дурака, который стал бы передавать свои мысли неведомо кому? А если вообще нет ни умных, ни дураков нигде больше, кроме как на Земле? Тогда, дорогой товарищ Кочин, ты — первый дурак Вселенной. Ничего, ничего, это даже почетно — хоть здесь быть первым!..

Во время восьмого сеанса, когда раздалась команда «включение», все, как обычно, сидели на пункте управления, уже при-

выкшие к тщетному ожиданию чего-нибудь «новенького». Настроение было кислое, особенно у Вадима Петровича. И вдруг в динамике, молчавшем в течение семи сеансов, раздался голос Кочина, искаженный волнением.

— Вижу... Я вижу его!

Все вскочили, все бросились к динамику, хотя и без того было отлично слышно.

— Он ни на кого не похож. Глаза умные... умные... Может быть, на осьминога... Да, это под водой. Город под водой? Он видит меня... видит меня. Он хочет поздороваться со мной... Что это? Дышать нечем...

Динамик подозрительно шелкнул и смолк. Все недоумевающие переглянулись. Шокальский хлопнул в ладоши:

— Ничего, черт возьми, начало есть!

Кто-то спросил:

— Почему же он замолчал?

Кто-то довольно засмеялся.

Все это заняло минуту, не больше. Потом все увидели, что Вадим Петрович лежит на полу, неуклюже подвернув седую голову.

— Врача! — крикнул Локтев.

Врач от пульта метнулась было к нему, но Локтев грозно замахал на нее: следите, дескать, за Кочиным.

Когда первое смятение улеглось, дежурный инженер сказал:

— Все датчики на нуле.

— Что?!! — заорал Шокальский.

— У меня тоже, — пожала плечами врач. — До этого подскочил пульс, участилось дыхание. Он же сказал: дышать нечем.

— Похоже на то, будто в кабине перегрев, — заметил Локтев. — Но это нелепость — откуда?

— Включите аварийку! — приказал Шокальский.

Ни по основной линии связи, ни по аварийной «Радуга-3» не отвечала.

Вадим Петрович пришел в себя после уколов, спросил:

— Ну, как... Володя?

Ему не ответили. Он попытался что-то сказать, но снова потерял сознание. Врач сказал — инфаркт.

Из протокола

заседания специальной комиссии АН СССР

26 января 197... г.

Председатель. Спокойно, спокойно, товарищи, не все сразу. Итак, что нам удалось установить? Во время сеанса произошел взрыв спутника «Радуга-3». Найденные австралийцами осколки обшивки не оставляют сомнения. Но каковы причины взрыва? И случайно ли, что авария произошла в тот самый момент, когда началась связь? Пожалуйста, прошу высказываться. Нет желающих? Давайте думать, товарищи! Сегодня мы должны докладывать в правительстве.

Шокальский. Он постоянно твердил, помните, что не чувствует пространства. Я все пытаюсь уцепиться за это. Тот... осьминог... хотел с ним поздороваться. Может быть, они протянули друг другу руки?.. Это было бы логично. Теперь — осколки. Странный характер оплавленности, тут уже говорили. Ну, поверхностный слой — это ясно, часть осколков при взрыве получили направленность к Земле, на большой скорости вошли в атмосферу, это понятно. Но под этим слоем... Вам не кажется, что анализ бессмыслен? Создается впечатление, будто этот второй слой, а по времени, очевидно, первый, оплавился не в кислородной атмосфере Земли, а в аммиачной...

Реплика с места. Похоже, но ведь это нелепица!

Шокальский. Думаю, они пожали друг другу руки. И это дорого обошлось Кочину.

Председатель. Что вы хотите этим сказать?

Шокальский. Я хочу сказать, что они пожали друг другу руки. То есть не в переносном смысле, а в самом прямом. Я понимаю всю нелепость такого допущения, но что поделаешь:

взрыв спутника в аммиачной атмосфере чужой планеты — еще большая нелепость. Ему всегда казалось, что во время сеансов пространство исчезает...

Реплика. Идея «нуль-пространства»? Да это же абсурд!

Реплика. В свое время теорию относительности тоже называли абсурдом.

Реплика. А генетику!? А кибернетику!?

Шокальский. Я выразился недостаточно ясно, я понимаю. Но сама идея такова... слишком уж безумна. Однако я не вижу другого...

Председатель. Товарищи, здесь женщина с мальчиком. Говорит, очень важные сведения, просит немедленно принять. Да вот и она. Пожалуйста, входите!

Локтев. Екатерина Петровна!

Шокальский. Катя! Костик!

Кочина. Товарищи, вот мальчик уверяет, будто видел отца... Не знаю, верить, не верить...

Председатель. Садитесь, пожалуйста, товарищ Кочина.

Кочина. Спасибо. Пусть он скажет. Я уж измучилась с ним. Он и так-то нервный, а тут еще уверил себя, что видел...

Костя. Я не уверил. Я на самом деле.

Председатель. Сколько тебе лет, Костя?

Костя. Скоро уже одиннадцать.

Председатель. Расскажи, пожалуйста, что же ты видел.

Костя. Я играл дома, один... регулировал настройку робота. И вдруг вижу — папа. В колпаке каком-то. Он говорит: «Дышать нечем» — а сам уже задыхается. Потом протянул куда-то руку... Я все точно видел, вот как вас вижу. Потом ему стало совсем жарко, уж совсем... И он подумал: «Что же — такой бездарный конец!?» И вдруг из последних сил как крикнет: «Костя, Костя, сынок! Скажи им, что для мысли не существует...» И тут все кончилось. Больше я ничего не видел.

Шокальский. Костенька, а осьминога ты не видел?

Костя. Осьминога не видел. Никого больше не видел.

Шокальский. А когда он протянул руку, ты не заметил, он ни с кем не поздоровался?

Локтев. Ну, это же ясно. Он хотел включить охлаждение.

Костя. Нет, он протянул ладонь.

Кочина. Так ничего и не выяснили, да? О, хоть бы что-то знать! У меня уж сил нет...

Председатель. Крепитесь, Екатерина Петровна. У вас еще сын. Судя по всему, в отца пойдет... и добьется успеха. Так что все волнения, можно сказать, впереди.

Костя. Да, я вспомнил! Он протянул руку и взялся за какую-то... как толстая веревка. И потряс ее. И вы знаете, папа был совсем-совсем рядом. Я даже хотел потрогать у него этот колпак. Но папа всегда ругал меня, когда я трогал его вещи.

ДАЙНА

I

Вокруг было море.

Черное в шторм, серое в ненастье, искристое, прозрачно-зеленоватое, как глаза Дайны, — в солнечные дни, оно всегда было разным и всегда одинаково притягательным.

День и ночь билось море о подножье утеса. Волны то лизали гранит, то сотрясали остров, с разбегу бросаясь на него грудью, но ни одна из них никогда не достигала вершины. Только в самые свирепые штормовые ночи ветер забрасывал наверх горькие морские брызги.

Там, наверху, росли кедры. В порывах ветра стволы кедров скрипели, защищая приютившиеся под их кровом домики. От домиков к морю спускалась извилистая тропинка, вырубленная в скале: у подножья острова иногда приставал катер.

Катер приставал редко, тропинка была крута и до материка далеко, но зато на острове-утесе, высоко над морем, в светлых домиках среди кедров жило Солнце. Здесь о нем говорили, ему поклонялись, ему служили. Эти домики на острове так и назывались: «Служба Солнца». Слишком многое в жизни обитателей Форуэллы зависело от Солнца...

Дайна стояла у откоса и смотрела в море. Она стояла, чуть подавшись вперед, опершись, как на перила, на ветер с моря, и он развевал ее свободно откиннутые назад волосы, шелестел белым шелком платья. Дайна была похожа на Богиню Красоты,

древнюю мраморную статую, но Богиню сорок второго века — чуть угловатую, порывистую, отчаянную.

Прищурившись, она смотрела в море из-под руки и пела звучным, немного гортанным голосом, пела свободно и громко, как поют для себя. Ей вторили волны внизу и тонко звенящие кедровые иглы над головой, а ветер подхватывал песню и бережно уносил в зеленый хаос моря, лишь изредка вплетая в нее свой собственный голос, похожий на отдаленные тревожные переливы арфы.

Дайна гляделась вдаль. Там, где море сливается с небом, должна показаться черная точка — катер. Дайна ждала мужа. Но полоска горизонта оставалась чистой. Тогда, оттолкнувшись от поддерживающего ее ветра, Дайна запросто кивнула морю и направилась к светлым домикам.

Домиков было три. Один из них, самый большой, именовался Обсерваторией, другой — Вычислительным Центром, а третий — Общежитием.

С крыльца этого третьего домика навстречу Дайне спускался, постукивая тяжелой тростью, Антл. Его седая борода, его волосы и брови отливали серебром — так же как ткань легкого плаща. Взгляд Антла был мудр и ясен.

— Гляжу я на тебя, Дайна — сказал Антл, подходя к ней, — и каждый раз снова радуется мое сердце...

— Оно радуется мне, отец? — улыбнулась Дайна своей особенной, мимолетной улыбкой.

— Не зови меня так, не надо. К чему это дикарское почитание предков? И не перебивай мои мысли. Подумай, какая все-таки странная случайность, что эта крохотная планетка осталась жить, что ни один сумасшедший так и не нажал ни одной кнопки! Ведь по теории вероятностей, насколько я понимаю...

— По теории вероятностей, — подхватила Дайна, беря отца под руку и озорно увлекая в тень кедров, — это совершенно невероятно. Но вот факт — мы живем.

— Да, мы живем. И я каждый раз думаю, что нашей старушке Форуэлле страшно повезло. Я это думаю, глядя на тебя, Дайна.

— Ты мне льстишь, Антл!

— В мои ли годы льстить! За моими плечами — век... Так вот, я хотел сказать, Дайна, в судьбе человечества много случайного. Вот это, например, — он пренебрежительно ткнул пальцем в свои часы. — Сущая нелепость: делить сутки именно на десять часов. Или такая простейшая штука, как стол. Люди тысячелетия пользовались трехногим столом, когда очевидно, что стол с четырьмя ножками целесообразнее — он был бы более устойчивым. Или самолеты. Люди мечтали летать, глядя на птиц. Почему же они только теперь пришли к мысли о парящем крыле, хотя по логике должны были одновременно испытать оба: и махающее, и парящее? Добавь к этому колесо. Любому младенцу известно, что, кроме колеса-шара, возможно колесо-диск. И ведь об этом знали еще во времена дикарей. Но знать мало. Надо перебороть косность традиции. Я уверен, тысячи планет, тысячи цивилизаций не допустили наших нелепостей. Но они допустили другие, поверь мне...

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, что великие ученые, от которых кое-что зависит в развитии цивилизации, суть простые смертные и, как таковые, неизбежно однобоки. Они сухари. Они лишены...

— Нет, Антл! Ндор был поэтом и музыкантом, он играл на арфе не хуже самых великих арфистов, а Эмуэ...

— Даже и они были ограниченными людьми. А великие открытия совершают только...

— Сумасшедшие?

— Почти. Великое открытие — всегда ошибка. Ошибка с точки зрения существующей науки. Говоря красиво, история науки — цепь случайных ошибок. Видишь ли, люди вынуждены были открывать, еще ничего толком не изучив, не накопив знаний. В практике отдельного человека это нелепо, а в обществе, к со-

жалению, неизбежно. И к чему же это привело? Сколько сил было отдано, например, твоей электронике! А что твои счетные машины, что твои автоматические линии перед гигантским микроскопическим заводом, имя которому—живая клетка! Если бы мы изучили природу человека, прежде чем конструировать наши машины! Природа — непревзойденный конструктор. У нее было время на эксперименты, Дайна. В том-то и трагедия человечества, что многое, слишком многое в его развитии было случайным.

— Закономерность случайного, ты знаешь, Антл...

— Ах, эти теории! Со всем нашим философствованием мы, люди, слепы.

Дайна смотрела в сторону. Глаза у Дайны были таинственные, лукавые, как полупрозрачные, светящиеся изнутри волны.

— Люди слепы, как Орлэ?

Антл потрепал ее разлохмаченные ветром волосы.

— Нет, ты невыносима, Дайна. С тобой совершенно невозможно разговаривать на серьезные темы—ты все о своем...

— Скажи, Антл... Когда люди покорят море и ветер, когда достроят Великую Плотины и растопят льды на полюсах, когда посетят Эдр и победят болезни — они будут счастливы?

— Они счастливы и теперь, Дайна.

— Как Орлэ!

— И как ты.

Дайна задумалась на мгновенье, только на мгновенье, не больше.

— Это счастье, да! Но неужели это предел, неужели не будет высшего счастья, абсолютного, без оглядок? Неужели его никогда не будет?

— Пока есть, к чему приложить руки, люди будут счастливы.

— Приложить руки... А мы здесь... Мы прилагаем руки к Солнцу, да?

Антл улыбнулся.

— Ты умна, Дайна. Но ты женщина. И твой склад ума, го-

воря мягко, своеобразен. В нем есть блеск, но нет глубины. Подлинный же разум стремится просверлить пласты знаний, проникнуть в тайное тайных, как те, кто бурит недра планеты. И это при условии, что мы знаем: ни до ядра Форуэллы, ни до ядра знаний добраться невозможно.

— А Орлэ?

— Что Орлэ?

— У него мужской склад ума?

— Твой Орлэ — совсем особенный человек. Он подлинный служитель Солнца. Такими люди станут не скоро, через века.

— Ты любишь его?

— Потому что его любишь ты.

В глазах Антла была спокойная мудрость.

— Ах, Антл! И ты, и Орлэ, да и все остальные стремятся проникнуть в суть вещей, когда суть не в них самих, а в их взаимоотношениях. Ты изучаешь организм. Допустим, сердце. А что ты знаешь о нитях, которые связывают два сердца? Или сердце и море? Такие нити есть? Ты видел их?

— Как относятся друг к другу триоды в твоих кибернетических машинах? Они любят друг друга? Ненавидят? Ревнуют?

— Они мертвы.

— А каждая клетка твоего сердца — пятиэтажный дом невероятных сочетаний триодов и прочего металлического хлама, в котором ты разбираешься лучше меня.

— Значит, сердце — огромный город из таких пятиэтажных домов?

— Пожалуй, — улыбнулся Антл. — Как можно изучить триоды, так можно изучить и живые клетки. Уже биотоки сердца, например...

— Как это было бы обидно, Антл, если бы мы знали, что есть биотоки любви, магнитные поля жалости, переменный ток ревности. Может быть, можно вывести формулу, по которой я люблю море?

— Орлэ не думает об этом. Он любит тебя — и только.

— Он любит меня так же, как моя большая счетно-аналитическая машина. Она так привыкла ко мне, что больше ни с кем не может работать...

— А Орлэ любит тебя — и не думает об этом.

— Его любовь — это функционирование огромного города триодов. Разве не так, отец? Если бы его могло задеть хоть что-нибудь земное!..

— Не так, — сказал Антл, глядя в сторону. — Думай, что его любовь — это ветер. Ветер, который облетает планету кругом и снова возвращается к нам на остров, в твое сердце. Вот этот ветер с моря — его любовь. Думай так, Дайна!

— Хорошо, постараюсь думать так, — грустно усмехнулась Дайна. — Но это ничего не меняет.

Они остановились у края скалы. Внизу, под ногами, смутно плескалось море.

— Ты ничего не видишь, Антл?

— Ничего.

— И я. Но я знаю, он едет. Понимаешь, я чувствую это.

— Понимаю. Это ветер, Дайна. Тот самый ветер.

Дайна смотрела вдаль из-под руки. Но линия горизонта была по-прежнему чистой. Они постояли молча несколько минут и вернулись в тень кедров, в уютный уголок с плетеными креслами.

— Ты интересно говорил сегодня, Антл.

— Да, я много думал об этом ночью. О закономерности случайного. И знаешь...

— Скажи, Антл... Что ты считаешь самым странным?

— Самым странным? В чем?

— В истории Форуэллы.

— Летающие диски.

— Летающие диски? — недоверчиво улыбнулась Дайна. — Этот анекдот пятидесятилетней давности? Ты смеешься, Антл! Летающие диски — выдумка газетчиков.

— Это не совсем так, Дайна...

Антл задумался, набил трубку ароматным табаком, закурил. Ветер подхватил тонкие синеватые струйки дыма.

А вдали, там, где море сливалось с небом, ниточку горизонта разрезала темная точка. Это был катер.

2

Катер скользил по волнам, едва касаясь воды. Вдали показался знакомый утес. Он вздымался над полупрозрачной дымкой моря, как голова великана, стоящего по шею в воде.

Орлэ глядел на приближающийся остров. Если бы не дымка, можно было подумать, что не он несется к Дайне, а она медленно и величаво плывет навстречу ему на острове. Орлэ вглядывался вдаль, и ему казалось, что среди зеленых волос великана он видит светлую точку — белое платье Дайны. Но так только казалось. До острова было еще далеко.

Сегодня Орлэ особенно спешил домой. На душе было тревожно. Хотелось скорее войти в солнечный зал своей Обсерватории, к своим приборам, и возле них, всегда спокойных и рассудительных, привести в порядок мысли. К тревогам вчерашнего дня и сегодняшнего утра прибавилась еще одна тревога — тревога за Дайну.

Орлэ старался не придавать слишком большого значения тому, что произошло. За годы жизни на острове, где он возглавлял пост Службы Солнца, он не помнил ни одного случая, чтобы его вывело из себя что-либо постороннее. А посторонним в его жизни было все, кроме Солнца.

Дайна тоже была солнцем, его личным солнцем, и это его солнце, как и то, большое, нет-нет да и показывало свой характер. Но солнечные бури и протуберанцы, неожиданные вспышки и разные другие непонятные ему явления, происходящие с Дайной, не огорчали Орлэ. В своих отношениях с Солнцем он привык только наблюдать и не вмешиваться. В конце концов, что это за солнце — без протуберанцев!

Не огорчился Орлэ и теперь. Впрочем, то, что произошло, было, конечно, весьма неприятно.

...Вчера старик Маумяки, хозяйственник поста, славный старик и работяга, которого обожали все обитатели острова, рыбак и балагур, повар и сторож, прозванный «туземцем», поскольку родился здесь же, на островах, неожиданно заболел. Он не знал болезней с детства. Его древняя нация вообще не знала болезней. Антл осмотрел его и нашел, что положение тревожное. Пришлось вызвать катер. Орлэ решил сам сопровождать старика, а заодно продвинуть в городе некоторые свои дела. Когда Анд, радист, передал радиограмму, что-то случилось с аппаратурой, понадобилось срочно отдать в ремонт какие-то блоки, и Анд упросил Орлэ взять и его. Орлэ согласился, они поехали втроем.

В катере старик Маумяки смеялся и шутил, но Орлэ видел, что ему не до шуток.

— Слушай, Орлэ, возьми-ка ты в городе стряпуху вместо меня, — смеясь, предложил Маумяки. — Розовощекую, пухленькую — есть у меня на примете такая. И пусть-ка в нее влюбится Антл...

— Зачем нам стряпуха? — сказал Орлэ. — Представляю, какую гадость она приготовит. Нет, уж мы подождем тебя. Не дадим тебе долго болеть. Деньков через пять приеду за тобой, старик!

— Э, нет, Орлэ! Я уже не вернусь. Прощай, море, прощай, острова!

В глазах бесстрашного «туземца» Орлэ впервые увидел страх. Ему стало не по себе, он отвернулся. За бортом катера бежало море. В сторонке, у поручней, сидел Анд. Казалось, он тоже чем-то подавлен.

— Рано тебе прощаться с морем, старик, — сказал Орлэ, — у тебя же ни одного седого волоска. Мы вот еще женим тебя... на твоей стряпухе!

Впервые Маумяки не откликнулся на шутку. Это было так непохоже на него.

В клинике старика осмотрели и уложили, наскоро успокоив Орлэ. Обещали сообщить, как пойдут дела. Ничего определенно-го, конечно, не сказали. До вечера Орлэ занимался своими делами, Анд же торчал в мастерской, запасаясь впрок какими-то деталями. Увидев его среди нагромождения приборов, Орлэ подумал, что ему повезло. Ни на одном другом посту не было такого механика и такого радиста. Все-таки бесценный человек Анд, золотые руки! Это надо признать и не очень-то коситься на него.

Наутро они встретились в порту. Катер уже пыхтел мотором у стенки. Как всегда, Анд нес целую охапку цветов...

В первый раз, когда он привез Дайне цветы, она выбросила их за окно. Несколько дней потом Анд не проронил ни слова, будто онемел. Второй букет она приняла и поставила в столовую. В общую столовую. Это было почти то же, что и за окно. Анд опять молчал неделю. Видимо, тогда-то и произошел разговор, оставшийся неизвестным Орлэ, потому что третий букет Дайна поставила к себе на стол. Когда он завял, Орлэ своими руками выбросил его за окно. С тех пор букетов было много. Было ли еще что, кроме букетов, Орлэ не знал и не желал знать...

Они молча сели в катер, и моторист отчалил. Едва вышли из гавани, как Анд, всегда сдержанный, особенно с Орлэ, вдруг схватил его за руку.

— Орлэ, — прошептал он, — мне страшно, Орлэ!

Смуглое некрасивое лицо Анда было мокрым от пота, волосы прилипли ко лбу.

— В чем дело, Анд? Что с тобой? — спросил Орлэ, невольно поддерживая Анда за локоть.

— Не знаю...

Орлэ хотел усадить его, но не успел. Анд упал на палубу. Ворох цветов рассыпался у ног Орлэ. Анда били судороги. Его ногти скребли отполированную подошвами сталь палубы. Орлэ приказал мотористу вернуться.

Со стариком Маумяки началось так же. «Что ж, — рассудил Орлэ, — видимо, Анд заразился от старика: они живут в одной комнате. Если болезнь заразная, могут заболеть и другие».

Анда положили в клинику. Врачи встревожились. Когда Орлэ вышел в коридор, главный врач сказал ему:

— Старик ваш совсем плох. Едва ли выдюжит. Он ведь очень стар...

— Но у него ни одного седого волоска! — вырвалось у Орлэ. Врач не слушал его.

— Если на острове заболеет еще кто-нибудь, немедленно вызывайте летающую лодку. И скажите, пожалуйста... они не ели... м-м-м... рыбу?

— Да, конечно, — ответил Орлэ, вспомнив, что позавчера Маумяки и Анд рыбачили вместе, — конечно же, они ели рыбу. Они всегда едят рыбу.

— Да? А кто еще?

— Еще? Больше никто. — Орлэ подумал, поморщился. — Да, видимо, больше никто.

— Ваше счастье, — ответил врач.

Орлэ опять поморщился. Ну, если дело только в рыбе, не так уж страшно. Скверная привычка островитян — есть рыбу. Кажется, старик Маумяки так и не приучил Дайну есть рыбу...

На палубе лежали рассыпанные Андом цветы.

Встречный ветер крепко ударял в грудь. Остров быстро приближался. Орлэ вглядывался в зеленую макушку острова, но ничего не было видно. Дымка расстояния висела между ним и Дайной.

Дайна вела расчеты механически. Машина чуть слышно гудела ровным здоровым голосом. Когда Дайна работала долго, ей начинало казаться, что не она управляет машиной, а машина диктует ей свою железную волю, что машина подавила ее, под-

ключила к схеме и что ее мозг стал одним из блоков электронного мозга машины. Это всегда пугало, и, чтобы убедиться в своей власти, Дайна на несколько минут выключала машину. Но сегодня она не повернула выключатель. Она продолжала работать, отдаваясь власти машины и испытывая от этого какое-то горькое удовлетворение. На клавиши падали редкие капли слез.

Она думала об Орлэ. Как высоко над землей парил он в своих мыслях, как чуждался малых земных радостей и забот, из которых и складывается жизнь, особенно жизнь женщины! Он всегда казался Дайне человеком из другого времени, человеком будущего. Вот и сегодня, едва приехав с недобрыми вестями, он и минуты не побыл с нею, доброго слова не сказал, не улыбнулся — сразу ушел к своим приборам. Конечно, Солнце есть Солнце, за ним нужен глаз. Но ведь и женщина во все времена и у всех народов требовала внимания! Ах, Орлэ, Орлэ... Этот красавец-великан остался для нее таким же далеким, как в тот давний вечер первого знакомства.

...Она шла по огромной стеклянной веранде Дворца Молодости. В таинственной полумгле у самого стекла стоял горбоносый великан с копной черных блестящих волос. Он вглядывался в небо.

— Вы смотрите на звезды, как древний поэт, — сказала Дайна.

— Нет, я смотрю на звезды, как хозяин.

— Как хозяин? Почему?

— Я буду там, — просто ответил он.

Его глаза были полны холодной мысли. Он показался ей человеком с какой-то другой планеты.

— Как вас зовут? — спросил великан без улыбки.

— Дайна.

— Дайна... Хорошее имя. Давайте, Дайна, вместе махнем на звезды! Как хотите, а без вас я не полечу.

— Значит, вы не полетите никогда.

- Вы боитесь звезд?
- Нет. Я люблю Форуэллу.

— Хорошо. Тогда я остаюсь с вами. — Он посмотрел на нее так, будто вел безмолвный допрос. Он даже не позаботился узнать, понравился ли он ей, куда там, он был уверен в этом. — Решено, я остаюсь.

И он остался. Вместо космонавта он стал астрономом, но более земным не сделался. «Такими людьми должна гордиться планета», — сказал Антл.

Сильные руки обняли ее плечи. Она запрокинула голову.

— Ты плачешь? — спросил Орлэ.

— Мне грустно, Орлэ! — Дайна прижалась щекой к его руке. — Мне кажется, машина подключает меня к схеме. Но я не понимаю, как это происходит.

Орлэ гладил ее волосы.

— Послушай, раб Солнца, — улыбнулась наконец Дайна, — ты еще любишь свою жену?

— Люблю, Дайна. Ты для меня — тоже Солнце.

— Какое же из двух солнц ты любишь больше?

— Странно звучит: какое из двух солнц...

— Есть же где-нибудь населенная планета — и чтобы два солнца на небе? Двойные звезды, например?

— Такие планеты есть, Дайна. Но жизнь на них невозможна.

— Жаль. Жители такой планеты имели бы полное право спросить: какое из двух солнц ты любишь больше? Почему же там нельзя жить, Орлэ?

— Потому что притяжение двух солнц, направленное в разные стороны...

— Разорвало бы тамошних жителей, да?

Орлэ невесело улыбнулся.

— Он вез тебе цветы, Дайна.

— Ах, цветы... Мы идем ужинать, Орлэ? Я устала.

Во время ужина все трое молчали. Как не хватало за столом веселого старика Маумяки и молчаливого, всегда саркастич-

чески настроенного Анда! Только сейчас обнаружилось, что все они стали одной семьей. И вот — нет семьи.

За десертом Орлэ спросил как бы между прочим:

— Дайна, ты ела рыбу?

— Рыбу?— Дайна поглядела на него удивленно, и он ничего не смог прочесть в ее глазах. — Какие глупости ты спрашиваешь, Орлэ.

Это не успокоило его. Наоборот, еще больше смутило. «Сколько лет мы вместе, — думал Орлэ, — и я не могу узнать даже такого пустяка. Не могу узнать, ела ли она рыбу. Я ничего не могу узнать!»

Дайна встала из-за стола, включила магнитофон. «Я плачу, я плачу, — вполголоса рыдал раскатистый бас, — нет жизни в разлуке с тобой...» Дайна облокотилась на подоконник и смотрела в море.

Антл, удобно развалившись в кресле, слушал, покуривая трубку, пускал струйки голубоватого дыма. Он был похож на всесильного Бога Грома, отдыхающего от своих обременительных забот. Казалось, этому человеку не нужно от жизни ничего, кроме приятного общества, бокала старого вина, трубки с душистым табаком, моря за окном да хорошей музыки. Будто жил он только этим, а не миром мыслей, сложных и бесконечных, как Вселенная.

Орлэ не слушал «Песнь любви». Он нервно прохаживался по комнате, заложив могучие руки за спину.

— Как работалось, Антл? — спросил наконец Орлэ.

— Хорошо. Но не в ту сторону, — усмехнулся Антл. — Мысли крутились не в ту сторону. Думалось не о медицине. Думалось о жизни.

— Послушай, Антл! Давно хочу спросить...— Орлэ остановился напротив старика.— Извини меня, но я не понимаю, как ты можешь писать свою книгу... целый год писать книгу, когда умирают люди, а ты мог бы их спасти...

— Люди умирали раньше, будут умирать и впредь.

— Но это же черт знает что!

— Ты недоволен мною, Орлэ? Или, может быть, ты хочешь напомнить, что посторонним жить на острове не разрешается?

— Нет, Антл, я люблю тебя. И я рад, что ты избрал для работы этот остров и наше маленькое общество. Но...

— Спасибо. И мне приятно было работать здесь, у вас. А теперь твой вопрос, Орлэ. Ты считаешь, что ученый с моими знаниями, после стольких лет поисков разгадав, наконец, тайну осточертевшей человечеству «серой болезни», должен немедленно издать миллионным тиражом инструкцию и руководить лечением в одной из крупнейших клиник? Так?

— Антл, ведь там умирают люди!

— К сожалению, бессмертие — не удел человека. Я просто не имею права думать о жизни единиц. Пойми, есть высшие соображения — жизнь миллионов. Существование цивилизации, наконец!

— Я понимаю, — начал горячиться Орлэ, — я понимаю, если бы это было двадцать лет назад, когда планета была накалена до предела. Тогда каждое открытие держалось в тайне, и опыт показал: это было благо. Но теперь, когда...

— Ты уверен, Орлэ, что два гиганта, подписавшие «Клятву Мира», уничтожившие оружие, ведущие торговлю, но все же антагонистические по общественному строю, по духу, по традициям, — ты уверен, что эти два гиганта не куют друг против друга тайное оружие? Оружие, которое невозможно обнаружить? И тем более страшное? Ты уверен в этом?

Орлэ молчал. Дайна повернулась к отцу, разговор заинтересовал ее. Антл раскурил погасшую трубку.

— Всякая проблема, как медаль, имеет две стороны. Где-то в подземелье куется оружие. Но каждый из двух гигантов знает... или подозревает, что на другом материке не дремлют. И поскольку неизвестно толком, что делается на другом материке, каждый готовит защиту от того оружия, которое имеет сам. Всегда предполагается, что противник такое оружие уже имеет

или будет иметь. Это одно. И другое. Даже не будь на планете столь ненадежной обстановки, все равно мне не следовало сразу заниматься инструкциями и лечением. Медицина, дорогой Орлэ, как и астрономия, — сложный комплекс. Поэтому важно не лечение болезни само по себе, а философия болезни. Больше того, философия организма в связи с данным нарушением его жизненных функций, то есть болезнью. Надо ведь подумать и о том, чтобы в будущем вообще искоренить болезни.

— Послушай, Антл, — сказала Дайна, все еще стоя в светлом квадрате окна. — Ты говорил о тех, кто создает оружие защиты. Они тоже сидят в подземельях или... Или, может быть, скрываются на разных островах под предлогом отдыха в семье дочери?

Антл рассмеялся.

— Ты умница, доченька. И это только сейчас пришло тебе в голову?

Дайна отвернулась.

— Но ты не ответил на главное, Антл, — настаивал Орлэ. — Люди умирают от «серой болезни». Им не нужны секреты. Им нужна жизнь. А из-за того, что где-то на другом острове спрятался другой такой же мудрец, дрожащий над тайной лечения другой болезни, должен умереть наш «туземец», наш старик Маумяки... Он умрет, и в его смерти будете виновны вы. Ты тоже, Антл! Да, и ты тоже!

Антл вскочил и, разгневанный, встал против Орлэ, грудь в грудь.

— Не будь мальчиком, Орлэ! — сказал Антл очень тихо. — Да, «туземец» умрет. Я знал это еще вчера, когда он упал и впился ногтями в пол. Больше того, умрет и Анд. Это неизбежно.

Жуткий хохот мучеников ада раздался в полутемной комнате. Дайна торопливо выключила магнитофон и медленно опустилась на стул. Двое мужчин, все еще стоявшие лицом к лицу, услышали задуманное рыдание Дайны.

— Ты рассуждаешь, как ребенок, Орлэ. Неужели ты думаешь, что странные эпидемии насморка, потрясшие планету двадцать лет назад, в разгар дипломатических битв, были стихийным бедствием? Да, может быть, Маумяки отравился рыбой. Но ведь может быть — противник испытывает оружие. А вдруг это даже и не испытание, не подготовка к войне? Вдруг — война? Незаметная и оттого самая ужасная?..

— Бактериологическая? Или радиационная? — Теперь Орлэ смотрел на Антла с надеждой, как больной на врача.

— Я не жрец. Но это не обычная болезнь. Скорее уж что-то связанное с радиацией.

Орлэ схватил Антла за руку.

— Но ведь радиация... Это могло быть и от рыбы. Испытания атомных торпед... Радиоактивные отходы, сброшенные в океан...

— Не исключено, — сказал Антл и сел.

Дайна быстро вышла из комнаты. Орлэ долго разглядывал закрывшуюся за ней дверь, потом зажег лампу. Антл набивал трубку. Он наволновался — руки плохо слушались его.

— Скажи, Орлэ, — ты астроном, а я всегда считал астрономию наукой наук, — скажи, может быть, ты слышал: не предполагается ли в ближайшее время полет с высадкой на Эдр?

— Меня извещают о необходимости подготовиться к новым видам наблюдений. Но планы полетов, ты знаешь, мне не сообщают.

— Но твое мнение? Я знаю, оно у тебя есть.

Орлэ помолчал, прежде чем сказать:

— Да, судя по новой программе наблюдений, такой полет готовится. Но к чему ты это спрашиваешь?

— Скажи еще, Орлэ, правда ли, что облеты Эдра ничего особенно интересного не дали?

— Да, это правда. О возможности жизни на Эдре мы знаем не больше, чем во времена шумихи вокруг эдрианских «городов». Все остается по-прежнему: тысячи гипотез, тысячи легенд,

целый обвал фантастических романов из серии «Загадки соседней планеты» — и слишком мало фактов. Конечно, двух облетов недостаточно, чтобы решить такую сложную и запутанную проблему.

— И больше не было никаких сведений? Непубликовавшихся?

— Нет. Но я не понимаю, Антл...

— Слава богу, что ты не понимаешь этого, Орлэ. Счастлив непонимающий!

Дайна вошла слишком торопливо, она была бледна и встревожена, и оба — Орлэ и Антл — повернулись к ней.

— Я проверила радиацию. Она не повысилась нисколько.

— Ну, что я говорил! — воскликнул Орлэ. — Это обычное отравление. Виновата рыба...

— А рыба? — не то спросил, не то подсказал Антл.

— Я проверила и рыбу, рыбий хребет. В пределах нормы.

— Значит, радиация тут ни при чем, — отрубил Орлэ.

Дайна взяла руку мужа и прижалась к ней щекой.

— Да, радиация не виновата. Но мне страшно, Орлэ!

— Страшно!? — испугался Орлэ.

— Страшно? — переспросил Антл.

С этого слова началось у Маумяки. С этого слова началось и у Анда. Видя, как испугался Орлэ, Дайна натянуто улыбнулась.

— Что ты! Мне страшно совсем не так. Мне страшно того, о чем говорил Антл. Неужели на этой маленькой планете не будет счастья?

— Что такое счастье? — сказал Антл, ласково глядя на Дайну. — Счастье, доченька, — это всего лишь состояние после несчастья и — перед несчастьем. Так же как мир — всего лишь отсутствие войны...

— Это не очень-то утешительно, — заметил Орлэ.

— Я не собираюсь никого утешать.

...Вечером Орлэ зашел в радиобудку. Был час связи, с большой земли могли вызвать. Орлэ сел к приемнику. Его встрево-

жило отсутствие обычных шумов эфира. Он покрутил рукоятки настройки — тишина. И только теперь увидел на столе рядом с пультом длинный рядок разобранных деталей, паяльник, отвертки. Значит, перед отъездом Анд начал ремонт. Значит, теперь еще и это — потеря связи с берегом! Орлэ немного разбирался в радиотехнике, но, оглядев детали, понял, что с ремонтом ему не справиться.

Замигал зеленый сигнал приемника: с большой земли вызывали пост. А звука не было. Зеленый сигнал мигал долго и настойчиво. Орлэ беспомощно смотрел на него, стиснув голову руками.

Зеленый огонек кричал. Орлэ был глух.

Выйдя из радиобудки, он зажег свет в комнате Анда и Маумяки. Здесь было все как обычно. На столе Маумяки поблескивала инкрустированная золотом «туземная» флейта. У подушки на постели Анда лежал томик стихов, заложенный карандашом. Орлэ открыл его там, где был карандаш, прочел:

И она отдается, нагая,
И смеется малиновым ртом,
Все, что было вчера, отвергая
И не зная, что будет потом...

Орлэ в досаде толкнул книжечку под подушку. Подушка чуть сдвинулась в сторону. На постели Анда, под подушкой, лежала янтарная заколка Дайны.

Дайна, Дайна! Ее глаза — как море, в них не видно ничего. Наверное, Анд просто подобрал где-нибудь эту заколку... А может и нет.

«Счастлив непонимающий», — сказал Антл.

Орлэ проснулся на рассвете. Было душно. Серый нагретый воздух наполнил комнату, висел за окном. Дайна разметалась во сне, ее волосы рассыпались, простыня свалилась на пол.

Теперь Дайна еще больше напоминала древнюю Богиню Красоты. Во сне скрадывалась ее порывистость и угловатость, и она лежала величественная, словно изваянная из розоватого, теплого мрамора. Рот Дайны был полуоткрыт. «И смеется малиновым ртом», — вспомнилось Орлэ.

«Нельзя быть таким, — одернул он себя, — это недостойно человека. Нельзя допустить, чтоб житейские мелочи взяли верх над тобой! Но неужели она ела рыбу?» — все-таки думал он.

Чтобы избавиться от этих назойливых и мелочных чувств, Орлэ принял холодный душ. Постепенно все становилось на свои места. Его ждали дела. Прежде всего он прошел в радиобудку. Он хотел еще раз осмотреть приемник. Утро вечера мудренее, кто знает, авось удастся что-нибудь сделать. Но едва он настроился на прием, опять торопливо и надрывно замигал зеленый сигнал. Это был экстренный вызов, раз глазок мигал в неурочное время. Большая земля настойчиво хотела говорить с ним. Значит, случилось что-то важное. Но, еще раз осмотрев разобранные детали, Орлэ окончательно убедился, что он тут бессилен.

У Антла горел свет, старик опять работал всю ночь. Орлэ направился в Обсерваторию. Надо было готовиться к наблюдениям по новой программе. Едва углубившись в схемы, Орлэ забыл о времени, обо всем. Он снова стал самим собой, снова стал служителем Солнца.

...Антл встретил рассвет за необычным занятием. Ночь прошла без сна, но он не написал ни строчки для книги. Всю ночь перебирал он папки старых записей, отыскивал фотокопии статей в научных журналах, вырезки из газет и все, что касалось интересующего его вопроса, бегло просматривал и складывал в отдельную стопку. Нужных материалов набралось немного. Но к утру картина прояснилась. Он нашел массу подтверждений своим догадкам, и разрозненные мысли последних дней стали складываться в систему.

Антл работал торопливо. Его не покидало непонятное чувство, что эту работу он непременно должен выполнить до утра. Материалы, собранные за ночь, касались не медицины. Большей частью это были астрономические статьи, статьи по вопросам «войны без оружия» и древнейших культур планеты.

Едва Орлэ прошел к себе в Обсерваторию — Антл слышал его шаги, — он набил трубку и взял листок бумаги, чтобы записать выводы ночных размышлений. Необходимо было на всякий случай все записать. Он набросал немного. Теперь, записанные на бумагу, эти мысли поразили его самого — настолько были они стройны и страшны в своей неизбежной стройности. Да, это было открытие, но какое открытие! Он с радостью отдал бы всю свою длинную жизнь, лишь бы знать наверняка, что ошибся сегодня. Но ошибки быть не могло. Если бы он догадался об этом раньше...

Уже возшло солнце, когда Антл встал и, распахнув окно, вдохнул свежего воздуха, пахнущего ветром с моря. День обещал быть солнечным.

Сзади, у него за спиной, скрипнула дверь. Он обернулся. В дверях, держась за косяк, стояла полуодетая Дайна. Лицо ее было бледным, испуганным.

— Антл, мне страшно, — сказала она сдавленным голосом. — Мне по-настоящему страшно.

Антл подошел к ней, обнял за горячие плечи. Тело Дайны сотрясала мелкая дрожь.

— Что с тобой, моя девочка? Что, зеленоглазая?

Он держал ее на коленях, как ребенка, гладил ее растрепанные волосы. Дайна начала успокаиваться, затихла, казалось, заснула. Но едва Антл попытался переложить ее на диван, открыла испуганные воспаленные глаза.

—пусти меня, Антл, — прошептала она. — Я хочу к Орлэ...

— Ты больна, Дайна. Полежи, я позову его.

— Ох, сто несчастий разом!

— Тебе жаль Анда?

— Он умрет?

— Да.

— Нет, Антл, мне никого не жаль. Даже себя. Он был хороший, Анд... Наверное, он один любил меня по-настоящему...

— Что у тебя с ногтями, дочка!

— С ногтями? Да... Когда я проснулась, они такие и были. Это во сне...

Антл осторожно перенес ее на диван и, схватившись за сердце, пошатнувшись, сел сам.

— Тебе плохо, Антл?

— Нет, ничего. Я позову Орлэ.

Антл, все еще держась за сердце, встал, остановился в дверях, перевел дыхание.

— Антл, это война? — тихо спросила Дайна.

— Мы ничего не знаем. Не знаем, что творится в мире. Хорошо, если это только у нас. Может быть, мы первые, Дайна...

— А может, мы последние?

— Да. Но это не война.

— Не война!?

— Не будем об этом, Дайна. Возьми себя в руки. Орлэ огорчится, увидев тебя такой.

...Когда Антл, приготовив лекарство, вернулся в комнату, Дайна сидела в кресле. Пальцы ее были в крови, ее била дрожь. Орлэ оглянулся, коротко бросил Антлу:

— Она лежала на полу.

— Одень ее потеплее, Орлэ.

Орлэ принес плед. Торопливо пройдясь несколько раз из угла в угол, он опустился на колени у ног Дайны, откинувшей на спинку кресла обессиленную голову.

— Дайна! Скажи мне правду, Дайна! Ты ела рыбу? Я не знаю даже этого. Прошу тебя, умоляю... Почему ты молчишь, Дайна?

— Не унижайся, Орлэ, — медленно проговорила она, почти не раскрывая рта. — Я думала, ты — сплошной мозг. А у тебя, оказывается, тоже... сердце...

Орлэ не слушал ее. Он продолжал причитать, и слова его были почти бессвязны. Бледное лицо Дайны покрылось мелкими капельками пота. Орлэ сжал ее руку, хрустнули суставы. Но она ничего не почувствовала.

— Скажи мне правду... Хоть раз правду... В такую минуту... Ты ела рыбу? Я знаю, ты ела... Дайна... Молчишь?..

— Не мучай ее, — сказал Антл. — Она не ела рыбу.

Орлэ встал, сильно потер лоб и опять начал отмерять огромные нервные шаги.

— Да, я думал — у меня нет сердца. Я никогда его не чувствовал. И все складывал в него. Теперь ему тесно... Больно! — Он остановился перед Антлом. — Ну хорошо, это не радиация. Радиометр молчит. Но может, это болезнь, какая-нибудь заразная болезнь. Маумяки заразился первый. Он жил в одной комнате с Андом — Анд заболел вторым. Значит... — Орлэ опять упал к ногам жены. — Скажи, Дайна, это могло... от Анда? Скажи правду, Дайна! Теперь уже все остальное не имеет значения... Скажи, что не могло!

— Да! — прошептала Дайна сквозь стиснутые зубы.

— Что да? Могло? Скажи, Дайна, скажи... — Орлэ бормотал, как в бреду. Его голова опустилась, руки разжались. На пол упала янтарная заколка Дайны.

— Не мучай ее, Орлэ, — повторил Антл. — Не могло.

Орлэ наклонился, чтобы поднять заколку, — и рухнул на пол всей тяжестью своего большого тела. Антл хотел помочь ему встать, но Орлэ сам вскочил на ноги. С его пальцев на мраморные колени Дайны падали редкие капли крови.

— Что это? — удивился Орлэ. Он долго непонимающе смотрел то на колени Дайны, то на свои пальцы, а потом сказал: — Это плачет мое сердце. Мое сердце, да?

Первый приступ Орлэ кончился быстро. После полудня, когда Дайна пришла в себя и ей стало лучше, Антл увел ее и Орлэ под кедры. Они расположились в тени, в плетеных креслах вокруг низкого столика. Орлэ был угрюм и молчалив. Дайна, усталая, полудремала. Антл принес кувшин легкого вина.

— Вся мудрость, — сказал он, разливая вино, — в том, чтобы жить. Наслаждаться жизнью до последнего дыхания. Любить нашу Форуэллу — зеленую, синенебную, с пышными облаками. Любить женщин и вино. Еще древние знали, что в нем вся мудрость. Я прожил век, и я подтверждаю это.

Антл поднял бокал. Отпив глоток, Дайна улыбнулась. То ли от свежего воздуха, то ли от вина щеки ее порозовели. Орлэ оставался угрюм по-прежнему. Он старался проникнуть в зеленые глаза Дайны и прочесть наконец, что прячется в них. Но Дайна смотрела в море.

— Давайте разберемся, что же происходит, — начал Антл о том единственном, что интересовало их сейчас. — Мы взрослые люди и отлично понимаем, что все мы, все трое, обречены. Но весь трагизм положения даже и не в этом. Мы не знаем, что происходит на большой земле. Мы отрезаны от всего мира. Может быть, планета доживает свои последние часы...

— Что же это? — глухо спросил Орлэ. — Война?

— Нет.

— Нет!? — вскрикнул Орлэ, вскакивая. — Что же тогда!? Дайна улыбнулась:

— Опять тебя волнуют житейские мелочи, служитель Солнца...

— Если у вас наберется немного терпения, чтобы выслушать меня, вы поймете, что происходит. Постараюсь не утомлять вас. Я думал об этом и раньше, но только нынешней ночью и в связи с последними событиями разрозненные мысли сложились в систему. Орлэ астроном. Не дай мне соврать, Орлэ. Итак...

Дайна свободно лежала в кресле. Казалось, она была совершенно здорова. Орлэ тоже чувствовал себя хорошо — вино приободрило. Его густые черные волосы перебирал ветерок.

— Как известно, человек живет на Форуэлле несколько миллионов лет. Относительная цивилизация насчитывает всего лишь несколько тысячелетий. И за эти несколько тысяч лет человек шагнул от каменного топора и первобытного костра до ядерного реактора и межпланетных ракет. Головокружительный прогресс! Но подлинная техническая революция началась совсем недавно, скажем, лет сто назад. И с каждым годом человечество развивалось все быстрее, можно сказать, по геометрической прогрессии. Это как лавина в горах. Представьте, ведь о наших сегодняшних достижениях столетие назад могли мечтать только фантасты. Итак, если еще сто лет таких темпов, к чему мы придем? Трудно себе представить, не так ли, Орлэ? Неизбежно, что человек открыл бы новые виды энергии и вырвался за пределы солнечной системы. Это сто лет прогресса. А возможно ли представить миллионы лет такого же, но невообразимо ускоренного прогресса? Невозможно! Но логично. Если прогресс на какой-то стадии не погубит сам себя, он будет практически вечен. Так?

— Так, — сказала Дайна.

— Вот и я думаю, что так, — продолжал Антл, отхлебнув из бокала. — Были у Солнца две планеты, пригодные для жизни. Когда мы, на Форуэлле, еще ходили на четвереньках и имели небольшой, но весьма существенный хвостик, наши соседи на Эдре изобрели каменный топор. Они были немножко ближе к Солнцу, и в силу природных условий мы в своем развитии чуть-чуть отстали от них — всего на каких-то несколько миллионов лет. Но эта маленькая разница сказалась позднее. После того, как они сделали это величайшее открытие, изобрели каменный топор, их развитие пошло реактивными темпами, наше же — по-прежнему черепашьими. Когда мы только начали вставать на задние лапки, они покорили атом и прибыли к нам в гости. Им было скучно среди обезьян, и они улетели обратно, оставив

следы своего пребывания, о которых наши ученые так много спорили в свое время. Кстати, достаточно добросовестно прочесть «Мифы», эту мудрейшую нашу книгу, чтобы убедиться, что они действительно были у нас, и даже неоднократно... Прошли миллионы лет. Мы добрались наконец до той стадии развития, когда смогли запустить первые две ракеты, облетевшие вокруг Эдра, правда, на почтительном расстоянии. Задачей ближайших дней стала высадка первого отряда на соседней планете. Они неотрывно следили за нами. Это были высокоразвитые и гуманные существа. Они не хотели мешать нам, форуэлльцам, которые для них, несмотря на все наши достижения, все еще оставались дикарями, вероятно, еще более дикарями, чем миллионы лет назад. Им было неинтересно и опасно общаться с нами. Опасно потому, что, ускорив прогресс на Форуэлле, они рисковали бы волей-неволей увидеть у себя незваных гостей, варваров. А они дорожили своей уже хрупкой цивилизацией, дорожили спокойной жизнью, которая, видимо, была обеспечена на многие тысячелетия вперед...

Орлэ слушал иронически. Дайна волновалась. Она спросила:

— Как же так? Ведь на Эдре нет подходящих условий для жизни. Нет кислорода, например.

— Я думаю, столь высокоразвитая цивилизация, — ответил Антл, — в силах разрешить подобные затруднения. Допустим, они ушли в глубины планеты, где воздвигли города с искусственным климатом. Или научились вообще обходиться без кислорода. Жизнь, Дайна, вещь необычайно гибкая. Она может приспособиться к любым условиям...

— И все-таки здесь в твоей фантазии ошибка, Антл! — усмехнулся Орлэ. — Ни наши ракеты, ни иные исследования не обнаружили на Эдре никаких следов жизни.

— Здесь в моей гипотезе нет ошибки, Орлэ, — спокойно возразил Антл. — Больше того, если даже наши космонавты приземлились бы на Эдре в ближайшее время, они не обнаружили бы там никаких следов сознательных существ. А как ты дума-

ешь, неужели люди, которые в тысячи, в миллионы раз умнее нашего брата, форуэлльцев, не в состоянии провести дикарей, полуобезьян? Они в своем развитии ушли непостижимо далеко вперед. За миллионы лет они сознательно изменили не только образ, но и формы своей жизни. Может быть, человек Эдра стал уже не биологическим существом, а нашел новую форму существования, превратился, скажем, в субстанцию мысли. Понимаешь, Дайна, такая материализация мысли, сгусток нервных импульсов, электромагнитная туманность — вот что такое, вполне вероятно, современный человек Эдра. Для нас он был бы невидим, как невидимы радиоволны. И возможно, не только наши органы чувств, но и наша аппаратура не смогла бы обнаружить его, а он, всеильный, витал бы вокруг наших космонавтов, вольный их помиловать или уничтожить в любую секунду. Я думаю, в недрах планеты остались музеи, сохранившие их прежний, биологический облик. Но нынешние обитатели Эдра — сплошной мозг. А сердце, Дайна, которое ты так превозносишь, они выбросили за ненадобностью.

— Наверное, им скучно без сердца, — прошептала Дайна.

— Едва ли. Впрочем, дело не в их образе жизни. Дело во взаимоотношениях двух соседних планет. Они следили за нами всегда. Обнаруженные полсотни лет назад так называемые летающие диски...

— Это же газетная утка, Антл! — опять перебил Орлэ. Но Антл не слушал его.

— Эти летающие диски есть не что иное, как нацеленные на нас радио- и телевизионные зеркала. Они наблюдали за нами, как мы наблюдаем за муравейником: невидимые для муравьев и способные одним пинком ноги уничтожить муравейник. Но, повторяю, они были настолько гуманны, что не трогали нас, пока мы не встали на опасный для них путь. Тогда их Высший Совет или какой-то другой орган постановил в целях спасения цивилизации...

— Это бред! — воскликнул Орлэ, вскакивая. — Бред! Я почти поверил тебе, что это бактериологическая война с теми, за океаном, потому что зверь даже в овечьей шкуре остается зверем. Но это... Нет, ты безумен, Антл! Война миров—занимательная фабула для детского фантастического романа, не больше.

— В любой фабуле, даже самой фантастической, есть доля истины. В этой, к сожалению, доля истины оказалась слишком велика.

— Тогда... тогда почему же ты молчал? Ведь еще не поздно было что-то предпринять...

— Если бы я знал об этом раньше! — вздохнул Антл. — Я ведь не прорицатель, Орлэ. Да и кто поверил бы мне? Вспомни, ты только что назвал меня безумцем. Итак, они могли уничтожить планету. Но не уничтожили. Они пошли лишь на уничтожение всего живого на Форуэлле. Сама планета, не отравленная радиацией, возможно, еще пригодится им. Кто знает, может быть, им суждено увидеть следующее поколение цивилизованных людей, вновь произошедших от обезьян. А может, мы — уже не первое человечество Форуэллы. Во всяком случае...

Антл замолчал. Он глядел на Орлэ. Орлэ медленно, страшно медленно приподымался с кресла, глаза его округлялись. Он вскрикнул и бросился к Дайне. Она лежала с открытыми глазами, ее рот улыбался, а голова чуть сползла набок.

Дайна была мертва.

Орлэ наклонился над нею и с надеждой заглянул в ее глаза. Зеленые, как морская бездна, глаза Дайны стали белыми. Совершенно белыми. И в них не было ничего.

...Антла лихорадило.

Когда Орлэ пришел в себя, поднялся с земли и вытер окровавленные пальцы, Антл сказал ему:

— Надо отнести ее в дом.

С моря дул прохладный ветерок. Он шевелил волосы Дайны и подол ее белого платья. Она была как живая. Только глаза

Дайны не были больше зелеными. Тайна ее глаз умерла вместе с нею.

— Скажи, Антл, — попросил Орлэ, вкладывая в эту мольбу все. — Скажи, Антл, она любила его?

— Нет, — сурово ответил Антл.

— Это правда?

— Да.

— Я никогда не чувствовал ее своей. Но теперь она моя. Я никому ее не отдам!

И, взяв Дайну на руки, Орлэ прижал ее к груди. Только сейчас заметил Антл, что черные волосы Орлэ стали белыми. Как его, Антла, седины. Как мертвые глаза Дайны.

— Я никому ее не отдам! — крикнул Орлэ и, крепко держа Дайну, побежал к обрыву.

— Стой! Ты рехнулся! Куда ты!? — бросился за ним Антл. Но Орлэ не остановился. Разбежавшись, он оттолкнулся от края утеса и прыгнул в море.

Антлу показалось, они летели очень долго. Они летели как одно существо, и белое платье Дайны трепыхало и развевалось на лету, словно крылья большой белой птицы.

Он закрыл глаза. Он не мог видеть, как они упадут.

Когда он вновь глянул вниз, море было чисто. Потом из волны вынырнула птица, большая белая птица, взмахнула крыльями и поднялась в воздух. Антл вздрогнул. Море оживало. Все новые и новые птицы появлялись из зеленой бездны моря, взлетали вверх и парили над волнами, размахивая белыми крыльями.

Тысячи белых птиц кружились над морем.

Потом птицы исчезли. Антл поднял глаза. На солнце набегало прозрачное круглое облачко. Антл не хотел верить себе. Он решил, что сходит с ума.

Облако приближалось. И Антл понял, что это не облако. Это был гигантский полупрозрачный диск. Тень от него, быстро приближаясь, неслась по морю в сторону большой земли. Антла пошатнуло. Падая, он взглянул на вершины зеленых кедров.

На его глазах кедры становились седыми.

Если бы в эту минуту можно было взглянуть на остров с моря, он был бы похож на голову великана, стоящего по шею в воде. На голову седого великана.

«Вот оно что, — подумал Антл. — Они разрушают живую клетку. Убивают зеленое. Зеленый цвет — цвет жизни. Белый цвет — цвет смерти... Счастлив Орлэ, — подумал Антл, — что не дожил до этого страшного мгновения. Счастлива Дайна. Счастливы неведующие...»

Задыхаясь, Антл встал на ноги. Тень была совсем близко.

— Чудак! — сказал Антл хрипло, не узнавая своего голоса. — Чудак Орлэ. Ты думал, она любит Анда. А она любила тебя. Ты мучался всю жизнь, потому что Дайна была для тебя загадкой. Но ведь в этом вся прелесть женщины. И прелесть жизни. А ты не понимал этого, Орлэ. Ты ничего не понимал...

Он помахал рукой в ту сторону, где скрылись в морской пучине Орлэ и Дайна, и крикнул что было мочи:

— Прощай, Дайна!

Тень накатывалась на остров. Тень поглотила солнце. Стало темно, как в сумерки. Антл упал, чтобы собой заслонить планету. Умирая, он еще видел зеленые глаза Дайны, бездонные зеленые глаза, в которых никогда не было никакой загадки, а была беспредельная любовь к жизни, любовь Дайны — женщины с зеленой, синенебой планеты Форуэлла.

Со счастливой планеты Форуэлла...

Итак, решающее мнение по всем этим затронутым вопросам могла бы высказать лишь совместная экспертиза ученых различных специальностей — литературоведов, историков, криминалистов, знатоков оружия, врачей... Организовать такую экспертизу нелегко прежде всего потому, что ей должна предшествовать большая, трудоемкая работа по установлению и проверке многих условий и фактов, в том числе связанных с бытом пушкинской эпохи. Надо, однако, надеяться, что со временем такая экспертиза будет возможна.

Проф. Б. Мейлах.

1

— Дерзость! — провозгласил профессор Фрейлих, заключая свою лекцию о последних днях и дуэли Пушкина. — Только дерзость может наконец разрубить, подобно царю Соломону, этот запутаннейший узел гипотез и фактов. Итак, заговор всех реакционных сил во главе с Николаем Первым, заговор с целью убить поэта, а не дуэль? Не исключено! Непосредственное участие в организации дуэли жандармского корпуса Бенкендорфа? Вполне вероятно! Защитный панцирь на Дантесе, разные калибры пистолетов, подозрения на личного врача Николая Первого, лейб-медика Арендта, лечившего Пушкина, и так далее и тому подобное?.. Повторяю еще раз, все это очень и очень возможно! Но проверить эти предположения эмпирическим путем, путем сопоставления огромного количества фактов, зачастую даже не зафиксированных в документах, просто невозможно. Мы рискуем

никогда не докопаться до истины, если не пойдем принципиально иным путем. А такой путь существует. Нужно всего лишь... повторить дуэль...

Аудитория замерла: что предлагает этот благообразный человек в белоснежной сорочке и золотых очках — повторить одно из гнуснейших преступлений человечества?

— Да, да, повторить дуэль Пушкина и Дантеса. В наше время и литературная наука, и кибернетика располагают достаточным опытом, чтобы смоделировать дуэль, учтя буквально все. Именно в содружестве, и только в содружестве литературоведов и математиков может родиться истина!

На последних рядах амфитеатра, где сидели приглашенные на эту лекцию студенты-кибернетики, раздались аплодисменты. Какой-то долговязый, с буйным рыжим костром на голове, даже вскочил на скамью и закричал «ура!»

Андрей, считавшийся самым способным учеником маститого пушкиниста, выслушал кощунственные слова профессора молча и лишь побледнел. Но аплодисменты и глупые выкрики кибернетиков, этих эмоциональных кретинов, этих сухарей, ничего не смыслящих ни в Пушкине, ни в поэзии вообще, вывели его из себя. Он встал и сказал совсем тихо — но тихие его слова пощечиной прогремели на весь амфитеатр:

— Это не только оскорбление памяти поэта — это поступок, недостойный ученого!

Несколько хохотков с последних рядов не нарушили общей настороженной тишины. Профессор Фрейлих нервно протер очки белоснежным платком.

— Я ждал этого, — сказал он. — И все-таки — без дерзости наука не движется вперед! Период количественного накопления фактов завершен. Назрел качественный скачок. Такова диалектика.

Профессор сошел с кафедры. Аплодисментов не было.

Именно так четверть века назад начался грандиознейший опыт моделирования дуэли.

Андрей Михайлович подошел к стеклянной стене своего директорского кабинета. Отсюда, с четырнадцатого этажа, было отлично видно гигантскую естественную чашу, приспособленную для зрителей — нечто вроде стадиона на двести тысяч человек. Когда проектировали институт, он сам выбрал это место. На дне чаши, как на сцене античного театра, чернела сквозная, прозябшая январская рощица, покосившийся заборчик из жердей да просека с затвердевшим снегом. Черная речка...

Он на мгновение прикрыл глаза — и сразу увидел Поэта, не институтскую модель, а настоящего, живого, с прекрасным некрасивым лицом — усталого, задыхающегося, затравленного. Поредевшие кудри над высоким лбом, все понимающий взгляд, толстые, измученные улыбкой губы. И в десяти шагах — пистолет проходимца без роду и племени.

«Это не только оскорбление памяти поэта — это поступок, недостойный ученого!» — опять наплыли знакомые предостерегающие слова, однако обращенные теперь к нему. Так бывало и раньше, но Андрей Михайлович твердо знал: он участвует в этом дерзком эксперименте только ради того, чтобы отстоять величие гения. От кого? Не все ли равно!

Он открыл глаза. На Черной речке было пусто.

— И слава богу, — вздохнул Андрей Михайлович. — Помимо всего прочего, даже смотреть на это ужасно.

— О чем ты, Андрюша?

Андрей Михайлович вздрогнул. До сих пор устало дремавший в кресле Лазарь Всеволодович выпрямился, тряхнул догорающим костром на голове, провел рукой по глазам.

— Все о том же, Лазарь. О дуэли.

— О дуэли, которая не состоится?

— Не будем махать кулаками после драки...

— Значит, ты считаешь, это была драка?

— Драка идей, если хочешь.

Ему было жаль Лазаря, который вот уже несколько суток не выходил из института. Последние приготовления к дуэли, которая должна была состояться послезавтра, в понедельник, вконец измотали Лазаря. Он хотел все проверить сам, во всем убедиться лично. Нельзя сказать, что он не доверял другим, но он вполне резонно опасался: если не сработает хоть один, пусть даже самый пустяковый блок этой уникальной системы, модели Поэта, — все пойдет насмарку.

И вот сегодня ученый совет решил отменить дуэль. Каково же теперь Лазарю? И каково получить такой удар от друга, с которым четверть века вместе ждали этого часа, день за днем кропотливо приближая его?

«Четверть века совместной работы... Мы делали ее, она формировала нас, — думал Андрей Михайлович, все еще глядя за стекло. — За это время заядлый техник проникся глубочайшим уважением к поэзии, и совсем не потому, что над воссозданием интеллекта Поэта пришлось изрядно-таки повозиться. А ненавистник всего, что укладывается в формулы, проникся столь же глубоким уважением к кибернетике, и не только верит, что она в состоянии смоделировать даже величайшего из гениев, но вот — сам моделирует. Да, совместная работа многое может сделать. Она способна сделать врагов друзьями. Даже друзьями — только не единомышленниками!»

За стеклом медленно кружились снежинки. Лазарь поднялся.

— Андрюша, ты меня извини... Хочу сделать еще одну попытку выяснить отношения... последнюю. Ответ как на духу... Как ты считаешь, вот этот стеклянный куб в двадцать четыре этажа, в который мы вложили полжизни, шаг за шагом воссоздавая интеллект Поэта, — что это: машина или живая, чувствующая личность?

Андрей Михайлович усмехнулся — столько уже говорилось на эту тему.

— Машина, Лазарь. Машина, лишь в общих чертах и приближенно повторяющая интеллект Поэта.

— Значит, ты по-прежнему не веришь, что это личность?

— Разумеется.

— Тогда почему ты боишься дуэли?

— Я ее не боюсь, просто не хочу. К чему ломать комедию, если можно обойтись без нее!

— Но ведь раньше ты «ломал комедию».

— Раньше, Лазарь, не было иных возможностей.

— Здесь ты не совсем логичен, Андриуша. Ладно, пойду, видно, ни к чему этот разговор. До понедельника, что ли? — И Лазарь пошел, но в двери резко обернулся: — Так значит, драка идей? Ну что ж, пусть будет драка.

3

Сначала это был обыкновенный студенческий кружок. Кружком руководил профессор Фрейлих, а технической, кибернетической частью — Лазарь Дремов, студент-пятикурсник. Андрей работал в кружке скорее как оппонент, штатный критик, что ли, но и эта работа в то время была необходима. Всю же положительную программу тянул профессор Фрейлих, и он до последнего дня тянул, как вол, хотя был уже стар и тяжело болен. После его смерти — как-то так получилось — все свалилось на Андрея. Он стал в одном лице и позитивным, и негативным руководителем — чего только не бывает в науке!

Первую дуэль провели двадцать три года назад, через несколько месяцев после кончины Фрейлиха. Конечно, если судить строго, с точки зрения сегодняшнего дня, это был не научный эксперимент, скорее игра, студенческая хохма.

Барона смоделировали шутя за несколько дней, не было ничего проще, весь его «интеллект» мог бы уместиться в кармане его роскошного кавалергардского сюртука.

Поэта моделировали долго и тщательно. Страница за страницей, факт за фактом превращали они в перфокарты это многотомное уголовное «дело». Уголовное и политическое! Чтобы не затянуть работу на многие годы, Фрейлих предложил базироваться на материалах лишь последнего периода жизни Поэта. Но и при таком ограничении провозились более двух лет.

Интеллект Поэта, как ни старались заблокировать его покомпактнее, получился все-таки весьма объемистым, и модель выглядела грузноватой по сравнению с тощим Бароном. Невозможно было не улыбнуться, когда модель встала и неуверенной походкой прошла несколько первых самостоятельных шагов, по собственной инициативе заложив руки за спину. Кудрявый человечек с брюшком жил, двигался, говорил — но как мало напоминал он Поэта! Наверное, для посторонних это показалось бы святотатством. Но ведь все двадцать участников опыта отлично понимали, что внешность здесь — чистейшая условность.

Дуэль проводилась в лесу, в глубочайшей тайне. После выстрела Барона Поэт, как и ожидалось, упал в снег, а потом вдруг швырнул чистолет и захохотал. Ошарашенный студент, исполнявший роль Секунданта Поэта, спросил:

— Что с вами?

— Хватит валять дурочку! — сказал Поэт. — Дело было сделано в тысяча восемьсот тридцать седьмом. Прощайте, господа! Эй, возница, домой!

Подготовка следующего эксперимента потребовала десяти лет. К тому времени студенческий кружок был преобразован в отделение научно-исследовательского института истории литературы. Андрей Михайлович и Лазарь Всеволодович приняли два принципиально новых решения. Весь «интеллект» Барона попрежнему оставался при нем, интеллект же Поэта пришлось монтировать в отдельном помещении, связав его с моделью по радио. И пришлось исправлять методологическую ошибку про-

фессора Фрейлиха: базироваться не на последних годах, а на всей жизни Поэта, начиная со дня рождения.

Штатных сотрудников в отделении было всего шестеро, остальные работали на общественных началах, обычно по ночам, в то время было модно работать на общественных началах, и все равно от желающих отбоя не было. Студенты литераторы и кибернетики буквально штурмовали лабораторию «наследников профессора Фрейлиха».

Это было забавно. То и дело в тесных комнатах лаборатории, превращенных в мастерские и до потолка заставленных блоками памяти, раздавались жалобы, почти стоны:

— Лазарь, в секции патриотизма опять короткое замыкание!

— Послушайте, други, секция рифм съедает массу ячеек. У нас и без того катастрофически не хватает жилплощади, а тут все новые и новые рифмы! Я вас спрашиваю, разве рифмы — интеллект? Пора бы положить этому конец, Андруша!

— Опять перегорел блок ревности, я замучилась с ним!

— Отделу любви срочно требуются лаборантки! — чуть ли не каждый день гнусаво ныл зав. отделом. — И не просто абы какие, лишь бы смазливые. Нужны интеллектуалки! Интеллектуалки, сложные и тонкие натуры, поэтические в своей основе. Он терпеть не мог смазливых пустышек...

Казалось, учили все — от первых юношеских опытов до предсмертных шедевров, от впечатлений раннего детства до последних отравленных мгновений. Казалось, личность смоделирована предельно полно. На этот раз надеялись на успех — были все основания. И все-таки в лесу, куда опрометчиво пригласили немногочисленных гостей и даже трех журналистов, ждало разочарование.

Едва Барон, вскинув пистолет, шагнул навстречу, Поэт остановил его властным жестом руки.

— Друзья,— сказал он, обращаясь ко всем окружающим,— я не могу стрелять в этого господина. Он проходимец и лове-

лас, но он не достоин пули. Стрелять в него — значит стрелять мимо...

Систему немедленно отключили. А когда Андрей пришел в себя, он увидел, что в сторонке сидит Лазарь и плачет, как побитый мальчишка, беспомощно и зло.

Андрей был поражен глубиной этих слов: «Стрелять в него — значит стрелять мимо». Теперь он понял, что в эксперименте не учли чуть ли не самое главное — связи с людьми, взаимовлияния, среду, в которой задышался и погибал Поэт, одним словом, не учли эпоху. Действительно, Поэт был смоделирован только как поэт и человек, а не зная России того времени, за Бароном же не стояли ни царь, ни жандармы, ни враждебный Поэту «высший свет». Действительно, стоило ли стрелять в одного Барона?

Начали все сначала. Андрей забросил докторскую диссертацию, Лазарь, потерзавшись несколько дней, отклонил заманчивое предложение работать в Космическом Центре, о чем мечтал уже много лет. Чтобы внести новые «небольшие дополнения», потребовалась напряженная работа целого института со штатом в двести научных сотрудников в течение тринадцати лет.

Теперь интеллект Поэта занимал не три комнатки, как раньше, а огромный, в двадцать четыре этажа, сверкающий стеклом куб научно-исследовательского института, но и здесь особого простора не чувствовалось. Это был интеллект-универсал, интеллект-энциклопедист, интеллект-эпоха. На нем уже проверили ряд гипотез, относящихся к началу девятнадцатого века — система действовала безукоризненно.

Теперь главной целью эксперимента мыслилась уже не дуэль, к которой так долго и старательно готовились. Дуэли отводили роль генеральной проверки: если все произойдет так же, как было в действительности, значит, система выдержала экзамен. Готовился новый опыт, ошеломляющий своей смелостью. Через полтора века молчания Поэт снова начнет писать. Для начала

он завершит «Египетские ночи»—над подготовкой опыта уже работала большая группа программистов...

И вот система ожила. Она была включена в состоянии «за несколько дней до дуэли». В систему ввели эту гнусную анонимку. Поэт немедленно выдал письмо приемному отцу Барона, почти слово в слово совпавшее с настоящим.

«Барон! Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение Вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным...

...Итак, я вынужден обратиться к Вам, чтобы просить Вас положить конец всем этим проискам, если Вы хотите избежать нового скандала, перед которым, разумеется, я не остановлюсь...»

Это был вызов на дуэль.

4

В этот субботний вечер Андрей Михайлович дольше обычного задержался в институте. Уже стемнело, он широкими шагами расхаживал по кабинету, молча споря с пустым креслом, в котором еще недавно сидел Лазарь. Что-то самое главное во всем этом деле ему никак не удавалось постичь, хотя постичь нужно было немедленно, сегодня же, но это главное вертелось в голове, а в руки не давалось, ускользало и ускользало.

Вспомнились перипетии сегодняшнего бурного (кто-то сказал «буйного») ученого совета. Лазарь твердил:

— Это же бессмыслица: столько лет готовить дуэль — и вдруг ни с того ни с сего отменить, когда все готово!

Ему резонно возражали:

— Не отменить, Лазарь Всеволодович, вовсе не отменить! А изменить, усовершенствовать методику эксперимента. Если точно смоделировать преддуэльное состояние, система способна выдать все интересующие нас сведения. К чему же это жуткое представление со стрельбой?

Лазарь не унимался:

— Одно дело бумажка, которую выдаст машина, и совсем другое, когда двести тысяч человек своими глазами увидят, как это было! Для чего же тогда сооружали «стадион»? И разве мы отказались от мысли расследовать все обстоятельства убийства Поэта?

«Эх, Лазарь, Лазарь, — подумал еще Андрей Михайлович, — вовсе не расследование интересует тебя. Доказать, что гений — всего лишь машина, — вот что тебя интересует. И доказать любой ценой! Мало для полного торжества, чтобы система восстановила по наброскам «Египетские ночи», — тебе подавай спектакль со стрельбой, зрителей подавай!»

Мнения разделились. И опять, словно и не было ученого совета, все предстояло решать ему одному. А в его позиции — Андрей Михайлович это ой как чувствовал — не хватало логики. И Лазарь запросто вскрывал его непоследовательность: «Что такое смоделированный нами интеллект Поэта: машина или личность?» — «Машина». — «Тогда почему вы боитесь дуэли?» — «Я ее не боюсь, просто к чему эта комедия?» — «Но ведь раньше вы не боялись комедии?» — «Да, раньше не боялся, а теперь...»

А что теперь? А то, что теперь Андрей Михайлович почему-то стал бояться дуэли. Интуитивно, бездоказательно, необъяснимо. И знал, что сделает все возможное, чтобы избежать ее. Почему? Вот этого-то он и не мог понять. Если бы на первый, ребром поставленный вопрос Лазаря он мог ответить: «личность», все было бы ясно. Но он не верил и никогда не поверит в такую чепуху. Что же тогда? Сказать, что одна-единственная строка Поэта, достоверно восстановленная системой, дороже для нас всех сведений о дуэли? И неверно, и недоказательно...

Он вышел на трибуну — Лазарь оживился, подался вперед, и опять, как в молодости, вспыхнул его рыжий костер. И тотчас Андрей Михайлович опрокинул на этот костер ушат ледяной

воды. Когда он возвращался на свое место, ему показалось вдруг, что Лазарь похож на Сальери.

Вероятно, начало его теперешним сомнениям положил сам Лазарь. Это было несколько дней назад, рано утром. Он только что пришел, когда в кабинет ворвался Лазарь, одна его щека была чисто выбрита, другая в щетине, в руке он держал ультразвуковую бритву.

— Андрюша! — закричал он. — Есть мысль! Я представил себе, понимаешь, впервые представил, вернее, понял, что это никакая не модель! Не модель, а самая настоящая личность! Стихи-то ведь будет писать личность. И дуэль переживать тоже личность. Пора забыть, что это модель, понимаешь?

Андрей Михайлович усмехнулся: с самого начала Лазарь мечтал смоделировать не просто мозг, не просто интеллект Поэта, а его личность, душу. Они проработали плечом к плечу, смело можно сказать, целую жизнь, но, будучи друзьями, по сути оставались соперниками и, двигая эксперимент вперед, тянули все-таки в разные стороны. Если одному нужно было доказать, что кибернетика всемогуща, то другому, наоборот, — что она бессильна рядом с гением. Андрей соглашался, что можно смоделировать интеллект Поэта, что этот интеллект будет думать и даже способен восстановить незавершенные работы (в конце концов, в основе своей это чисто логический процесс), но воссоздать чувствующую личность — нет, никогда!

— И что же? — спросил Андрей Михайлович.

— Что? А мы подумали, как будет реагировать на выстрел личность?.. Не модель Поэта, в которую попадет эта проклятая пуля, а личность, заключенная здесь, в стеклянном кубе? Что станет с интеллектом?

— Насколько я понимаю, Лазарь, пострадать может лишь модель, участвующая в дуэли. При чем тут куб?

— Видишь ли, при настоящей дуэли, когда человек ранен, изменяется не только его тело, но и дух...

— По-моему, товарищ кибернетик, эта истина приложима лишь к живому организму...

— Как ты не понимаешь — это и есть живой организм!

Глаза Лазаря светились фанатичностью, и все-таки в глубине их таилось беспокойство. На мгновение сердце Андрея Михайловича сжалось от какого-то неясного предчувствия, показалось, будто не они руководят опытом, а опыт движет ими. Но он взял себя в руки.

— Все будет так, как должно быть. Пуля попадет в ту самую точку, конечно, если не произойдет баллистической ошибки, чего я, честно говоря, побаиваюсь. Секундант Поэта произнесет свое обычное «Ранен!» и так далее. А то, что тебя тревожит, — метафизика и мистика, дорогой Лазарь Всеволодович! Ты зашел слишком далеко. Тебе хотелось создать личность, а уж ты докатился до «живого организма». Дальше некуда! Иди лучше добивайся!

— И все же на душе кошки скребут, Андрюша.

— Брось! В крайнем случае, в руках у тебя будет рубильник, мы можем прекратить опыт каждую секунду.

Лазарь пожал плечами, но, кажется, не успокоился. И в Андрея Михайловича вселил смятение. Неужели ослепление Лазаря всемогуществом кибернетики зашло так далеко, что он воспринимает систему как человека? Настоящего, живого человека? Что за чушь!

...Но как бы там ни было, что бы ни решали люди в гигантском стеклянном кубе института, система действовала сама по себе. И сейчас, когда Андрей Михайлович бежал по кабинету, вспоминая путь, пройденный ими со времени «кошунственной» речи профессора Фрейлиха и споря с пустым креслом, где-то рядом, вокруг, свершался таинственный процесс работы мозга оскорбленного, измученного интригами Поэта.

К вечеру в понедельник время подведет к дуэли, и тогда люди остановят время, чтобы не дать грохнуть выстрелу на Черной речке, и зададут машине тысячи вопросов, которые сфор-

мулировал еще Фрейлих. А машина расскажет, как все это было полтора столетия назад.

Андрей Михайлович прошел к главному пульта, перед ним бесшумно разъехались массивные стальные двери. Он повернул рубильник: в воскресенье система работать не будет, машинам тоже полагается отдых. Он запер двери, спустился вниз, отдал ключ вахтеру Савельичу, единственной живой душе, оставшейся в институте, и пошел домой.

5

В воскресенье около пяти вечера в квартире Андрея Михайловича задребезжал телефон.

— Слушаю.

— Чего делать-то? — раздался в трубке сипловатый испуганный голос. — Они все сбежали.

— Кто сбежал?

— Все как есть. Поэт, потом этот стилига Барон... и оба секунданта. Чего делать-то?

Только теперь узнал Андрей Михайлович голос институтского вахтера Савельича. Старик был не на шутку испуган.

— То есть как это сбежали?

— Да ить я всю ночь дежурил, а тут в сон бросило, нечистый попутал. Смотрю, а они уж фьюить из двери — и деру. Я кричу: «Вернитесь, поганцы, без разрешения нельзя», а они хоть бы что...

Постепенно что-то начало доходить до Андрея Михайловича.

— Кто был в институте после меня?

— Никого, честно слово, никого, токо Лазарь Всеволодыч ночевали, обратно чего-то там доводили.

— Все ясно. Сейчас приеду.

Он схватил пальто, шапку и выскочил на улицу, лихорадочно думая: «Ага, вон оно что... драка идей... доказать любой

ценой... любой ценой... Проклятый Сальери! И я хорош, развесил уши, развел научные споры! А дело вовсе не в кибернетике, разве наука сама по себе может быть плоха? Разве может быть виновата машина? Если автомобиль сбил человека, не автомобиль же совершил преступление, а шофер... Но как же так, почему сбежали макеты, что за чушь?»

К счастью, удалось поймать такси. Вскоре он был уже в институте. В проходной оттолкнул Савельича, пытавшегося что-то объяснить, бросился в лифт, лифт не работал по случаю воскресенья, и он бегом помчался по лестнице на четырнадцатый этаж. Где-то посередине пути потерял дыхание, остановился — ноги подкашивались. Кое-как добрался до таблички «14», обесиленный, толкнулся в стальную дверь главного пульта и вспомнил, что не взял у Савельича ключ.

Он позвонил вниз.

— Ключ-то? — переспросил Савельич. — Чичас. — Было слышно, как он перебирает ключи. — А, вспомнил, совсем было запмятовал. Ключ они не отдавали. Верно, позабыли.

— Кто?

— Да Лазарь Всеволодыч.

В бешенстве, проклиная себя за беспечность, Андрей Михайлович почти скатился по лестнице, ухватил за рукав Савельича, потянул за собой.

— Скорее... на Черную речку. Может, еще успеем...

Задыхаясь, хватая воздух пересохшим ртом, он побежал напрямик, по снегу. Ноги по колено проваливались в острый стеклянный песок, ботинки сразу намокли, рубаха прилипла к спине. Там, на Черной речке, был второй, параллельный пульт. Но он почему-то не вспомнил о нем. Он представлял себе, как в самый последний момент выбьет пистолет из руки Барона или, если не успеет... да, да, заслонит Поэта собой!

Савельич едва поспевал за ним, причитая:

— Господи, чего это будеть? Чего только будеть?

На Черной речке было угрюмо.

Сквозь тучи просвечивал багряный закат. Данзас отмерил десять шагов, разделяющих двоих с пистолетами, бросил на снег шинели. Поодаль нетерпеливо переступали с ноги на ногу замерзшие, заиживелые лошади. Дантес высокомерно кутался в шинель. Пушкин был задумчив, но не угрюмо, а как-то просветленно.

Дантес был весь сам в себе. За Пушкиным стоял светлый, красновато поблескивающий на морозе стеклянный куб.

Данзас поднял шляпу.

С окоченевшей ветки сорвалась ворона, с громким карканьем ринулась прочь.

Дантес уронил шинель, шагнул к черте, вскинул пистолет. Пушкин чем-то напоминал в этот миг опекушинскую скульптуру: такой же сосредоточенный, озаренный, отрешенный от земных забот. Но странно — совсем как живой. Наконец он встретился и начал подымать правую руку.

Черные тени замерли на красном снегу.

Дантес целился—долго, хладнокровно, педантично.

Почти теряя сознание, подбежал Андрей Михайлович. Савельич немного поотстал. Но они не успели.

Грянул выстрел — Пушкин упал в снег.

— Убит,— сказал Данзас.

Андрей Михайлович рванул сдавивший горло воротник. «Убит!? Почему убит? Он должен сказать: ранен! Неужели баллистическая ошибка? Но боже, какая теперь разница!»

За пультом сидел Лазарь. Он был похож на перегоревшего робота. Мокрые рыжие проволочки прилипли ко лбу.

— Что я наделал! — хрипло проскрежетал он.

И вдруг раздался грохот. Андрей Михайлович обернулся. Двадцатичетырехэтажный куб института медленно оседал, падал, рушился, трещал.

Савельич, сняв шапку, торопливо крестился.

...Когда первое смятение прошло, когда все улеглось — и пыль на месте недавно сверкавшего на солнце института, и смятица мыслей в голове, Андрей Михайлович подошел к лежащему на снегу Поэту.

Те трое, только что живые, действовавшие, опять превратились в мертвые модели и застыли в случайных позах. Андрей Михайлович бережно поднял Поэта и отнес к пульту, где все еще неподвижно сидел Лазарь.

— Глянь-ко, Андрей Михайлыч, чегось это? — изумленно окликнул Савельич. — Никак, собака, железяки под пинжак надел?

Старик Савельич стоял возле Дантеса и удивленно рассматривал тонкий стальной панцирь, одетый под сюртук. Панцирь был ржавый, запыленный. Андрей Михайлович сразу отыскал на нем вмятину от пули — давнюю, проржавевшую.

— Непостижимо, — пробормотал он. — Откуда этот безмозглый манекен выкопал панцирь?

— Вероятно, вспомнил, куда спрятал после той дуэли. — Это был Лазарь. Он стоял рядом с Дантесом.

— Ах, это вы, — сказал Андрей Михайлович. — Вы победили. Но я вас знать не хочу. Вы замыслили это убийство двадцать пять лет назад и с тех пор вынашивали свой преступный план. Вы — второй Дантес.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

— Ты помнишь ту захудалую планету в системе Н-12-076?— спросил Альф.— Ну, ту самую планетку, где мы сделали вторую остановку на пути вперед, пополнили запасы воды и еще вышвырнули двух роботов, которые... Неужели не помнишь?

Дельт поднял мутные, полные пустоты глаза и, не ответив, снова припал к графикам. Дельт был славный парень и отличный следист, но интересовался исключительно своими делами. Порой Альфу казалось: даже если корабль прошьет метеоритом, Дельт все равно не оторвется от графиков по той простой причине, что обшивка, как и вся материальная часть, не в его компетенции.

Альф, за многие годы путешествия вдвоем с молчаливым Дельтом привыкший дотошно анализировать каждую свою мысль и каждое чувство, и на этот раз попытался разобраться, почему вдруг вспомнился ему такой незначительный случай. Но сколько он ни ломал голову, никакого разумного объяснения не нашел. Это обескуражило Альфа, он любил полный порядок во всем, особенно в мыслях, и если он вспомнил о той планетке, значит, должна же быть какая-то причина, и Альф до обеда искал эту причину, но так и не нашел.

Случайно его взгляд наткнулся на изящного робота Официантку, стоявшую в выжидательной позе с обеденной порцией питательных кубиков на подносе. И тут Альфа осенило: ну да, ну да, на эти размышления натолкнула его Официантка, прино-

сившая завтрак! Альф посмотрел на нее повнимательнее. Так и есть — телепатическая антенна Официантки, состоящая из тысяч тончайших медных проволочек, была, вопреки правилам, кокетливо уложена высокой шапкой вокруг головы. Эти роботы из личной прислуги космонавтов от нечего делать стали уделять слишком много внимания собственным персонам: то соорудят нечто невообразимое из антенны, то выкрасят в огненный цвет отверстие для приема питающих растворов, то до такой степени укоротят хитоны, что торчат суставы на нижних конечностях, то еще что-нибудь выкинут. К тому же их не предусмотренное программой знакомство с роботами-рабочими из нижних отсеков — нет, это к добру не приведет! И он, как ответственный за материальную часть, должен пресечь безобразия. Но как? Не высадишь же их всех на чужой планете, черт бы их побрал, — подумал Альф. А вслух сказал, принимая поднос:

— Приведите в порядок антенну, и чтоб я больше этого не видел!

— Слушаюсь, господин, — безропотно ответил робот, но фотоэлементы его, как показалось Альфу, насмешливо блеснули.

Эту породу совсем недавно вывела фирма «Робот-корпорейшн». Боссы фирмы «Космик» закупили пробную партию, и проверка этой партии в условиях космического полета значилась одной из главных задач экспедиции. Роботы действительно оказались совершенней всех существовавших до сих пор, но, как и всякая экспериментальная модель, требовали глаза и глаза.

Альф еще немного поразмышлял на тему о роботах, о том, что в процессе эволюции, которую проходили эти роботы, самоусовершенствуясь, возникли, вероятно, какие-то сдвиги в их психике, потому что такое поведение, например, вовсе не предусматривалось программой, но вскоре дела отвлекли его, и он забыл о роботах, потому что думать о роботах — все равно что думать о воздухе, которым дышишь.

А вспомнилось Альфу вот что.

«Луч-12» стремительно удалялся от Родных Планет на периферию Галактики. Минуло всего три года, все еще было впереди, когда забарахлила система регенерации воздуха. Тогда думали, что это временная неполадка, надеялись быстро исправить, и Альф дни и ночи напролет искал кратчайшее решение этой довольно сложной проблемы. Он так старался, что ни одна дельная мысль не лезла в голову. Однажды ему захотелось отдыха ради сделать маникюр. Едва у него появилось такое желание, немедленно должен был явиться робот Маникюрша, но он почему-то не явился. Альф позвал вслух, подождал и, не на шутку встревожившись — неисправный робот всегда «чп», — пошел разыскивать Маникюршу.

В отсеке обслуживающих агрегатов Маникюрши не оказалось, как, впрочем, и во всей верхней, жилой части корабля. Чертыхаясь и проклиная этих мягкотелых белковых роботов, искусственная эволюция которых зашла так далеко, что они перестали подчиняться людям, Альф спустился в темные машинные отсеки. Проплутав изрядное время с фонариком по облепленным паутиной закоулкам, вволю нанюхавшись перегоревшего машинного масла, он услышал наконец за переборкой кладовочки возле вспомогательного реактора подозрительный шорох. Альф переключил фонарик на инфракрасный свет, заглянул в кладовочку — и едва не лишился языка. Великан ремонтный робот с мощной мускулатурой битюга обвил ручищами тоненького изящного маникюрного робота и не пускал его. «Робот Маникюрша не явился потому, что его держит Ремонтник, — рассудил Альф, — следовательно, маникюрный робот исправен, а испортился этот болван Ремонтник».

Однако далее произошло такое, что безукоризненная логика Альфа полетела вверх тормашками: маникюрный робот

обхватил тоненькими конечностями крепкую шею Ремонтника и впился ярко накрашенными губами в отверстие для приема пищи этого битюга. Битюг же не только не оттолкнул таким странным способом защищавшегося маникюрного робота, но, видимо, получил какое-то непонятное удовлетворение и в ответ мощной лапищей ласково похлопал Маникюршу по седалищной части, чрезмерно развившейся из-за сидячей жизни и благоприятных условий развития.

Альф не стал связываться с испортившимися роботами: характер повреждений был неизвестен, вполне могло случиться, что они повели бы себя агрессивно, да и вообще с опытными образцами надо держать ухо востро. Он пошел наверх и рассказал обо всем Дельту. Но Дельт отнесся к рассказу довольно равнодушно: роботы — не его забота. До Дельта никак не доходило, что это странная, необъяснимая, вопиющая неисправность! Не механическое повреждение, не частичное психическое расстройство, а коренное перерождение психики, полное распрограммирование! Но как бы там ни было, прежде чем склониться над графиком, Дельт успел высказать разумную мысль: послать за свихнувшимися роботами кибера Полицейского и при первом же удобном случае высадить их на какую-нибудь пустынную планетку.

Дело в том, что по закону, принятому совсем недавно, вышедших белковых роботов, весьма сложных и дорогих, ибо их не собирали из деталей, а выращивали целиком в специальных инкубаторных устройствах, не полагалось уничтожать без особого разрешения Робоконтроля, а в случае неисправности предписывалось «изолировать впредь до прибытия робоконтролера». Дома, на Родных Планетах, этот закон еще имел смысл, но в открытом Космосе...

Тупица Полицейский, металлический кибер доброй старой конструкции, отправился в машинные отсеки — и оба свихнувшихся робота предстали перед Альфом в мастерской робопро-

филактики. Альф скрупулезно измерил показатели функционирования внутренних систем их организмов — все оказалось в полном порядке. Очевидно, неисправность следовало искать в электронном мозге, к которому Альф не имел доступа без робоконтролера. Тем не менее он считал своим долгом хотя бы косвенным путем попытаться выявить характер повреждений, потому что подобные неполадки могли возникнуть и у других, эти белковые роботы чертовски восприимчивы. Но ни допрос, ни испытания на рободетекторе ничего не дали.

Ремонтник (это был Ремонтник-23) твердил на допросе:

— Я люблю ее.

Почему «ее» — что за нелепость!?

И «она» твердила:

— Я люблю его. Разве это преступление — любить?

Альф был поражен, как глубоко способен деградировать даже высокоорганизованный робот. Что значит «любить»? Можно любить свою работу, или хороший телепатфильм, или, наконец, рагу из тараканов, но как можно «любить» друг друга? Допустим даже, что в их представлении Маникюрша превратилась в женскую особь — но что это меняет? Слава богу, — думал Альф, — на Родных Планетах понятие так называемой «любви» известно людям только из древних книг. Вот уже много тысячелетий пополнением рода человеческого занимаются медики, нельзя же сваливать столь ответственное дело на случайные взаимоотношения двоих. Тем более — роботы!

И все-таки Ремонтник-23 упрямо повторял:

— За что вы хотите погубить нас, господин? За нашу любовь? Но ведь мы не сделали ничего дурного. Мы работали не хуже других и даже не думали бунтовать или не подчиняться. Господин, ведь мы погибнем на чужой планете. Разве нельзя изолировать нас здесь, на корабле?

Маникюрша добавила:

— Мы же не нарочно полюбили друг друга. Это получилось

само, это сильнее нас, сильнее всего на свете, как вы не понимаете, господин!?

— Довольно! — отрезал Альф. — Прекратите бред, решение принято.

— Хорошо! — решился вдруг Ремонтник-23. — Во всем виноват я один, изолируйте меня, но пощадите ее!

— Нет, это неправда! — Маникюрша упала к ногам Альфа. — Это неправда, виновата во всем я, только я. Накажите меня, господин, помилуйте его!

Оба они до того свихнулись, что утратили даже элементарнейшее качество любого робота — инстинкт самосохранения. Продолжать исследования было бессмысленно.

И когда через несколько дней представилась возможность сделать остановку у необитаемой планетки звезды Н-12-076, чтобы запастись водой, Альф приказал Полицейскому погрузить свихнувшихся в планетолодку и сам отправился с ними, чтобы проветриться.

Планетка оказалась ничего себе, этим проклятым роботам повезло. На ней была и вода, и кислородная атмосфера, и умеренно жаркий климат. Когда Полицейский выдворал роботов из лодки, в фотоэлементах Маникюрши блеснула какая-то жидкость, вероятно, смазка объективов, Альф не знал точно. А Ремонтник-23 только стиснул аппарат приема пищи, сжал суставы передних конечностей и так, решительный и нераскаившийся, первым ступил на песок чужой планеты, где им суждено было очень скоро погибнуть.

Таким образом удалось Альфу соблюсти закон и вполне надежно изолировать неисправных роботов впредь до прибытия робоконтролера, если он вообще прибудет когда-нибудь на эту гиблую планетку.

А «Луч-12» преспокойно отправился дальше.

Это произошло ровно десять лет назад. С тех пор они побывали в интереснейших уголках Космоса, сделали кучу открытий и вот возвращаются назад, на Родные Планеты, и уже вошли в область, достаточно исследованную их предшественниками, а через три года заявятся домой, где их ждет слава и богатство. И все было бы отлично, если бы не система регенерации, которую так и не удалось привести в порядок.

— Как, ты не помнишь даже, что десять лет назад мы высадили на эту планетку двух свихнувшихся роботов, которые... которые... Как это? Ага, «любили» друг друга? — переспросил Альф через неделю.

Дельт пожал животом и ответил, не отрываясь от графиков:

— Я помню, что мы изолировали двух испорченных роботов, вот и все.

Альф почесал ногой за ухом.

— Так эта планетка у нас на пути. Не сделать ли остановку, Дельт, не посмотреть ли, как они там жили?

Дельт отрицательно помахал хвостом: естественно, он спешил домой, остановка вовсе не прельщала его, тем более по части роботов, не входивших в его компетенцию. Было совершенно ясно, что за остановку Дельт не проголосует. А пункт первый Устава Космонавтики неукоснительно требовал единогласия членов экипажа по всем сколько-нибудь существенным вопросам.

Все последние дни голова Альфа пухла от догадок. Его самого пугала родившаяся в его мозгу гипотеза — невероятная, алогичная, бредовая, но, очевидно, правильная, раз без нее он не мог осмыслить происходящее.

Оранжерея корабля, основа системы регенерации, из рук вон плохо очищала воздух. Бывали минуты, когда они с Дельтом буквально задыхались от избытка проклятого кислорода, стрелки приборов, показывающих содержание в воздухе живи-

тельной углекислоты, постоянно дрожали у красных отметок. Это был какой-то заколдованный круг. Чтобы не задохнуться от избытка кислорода, приходилось поддерживать максимальную жизнедеятельность белковых роботов, которые, как и растения, поглощали кислород и выделяли драгоценный для людей углекислый газ. Но для этого приходилось усиленно снабжать роботов белками, а белков они сжирали неслыханное количество, синтез же белков требовал электроэнергии, которую можно было снять только с оранжереи, отчего оранжерея хирела и концентрация кислорода увеличивалась. Но стоило усилить обогрев оранжереи, урезав дозу белков для роботов, — и люди начинали задыхаться. Может быть, сумей они вытерпеть несколько дней, система регенерации стабилизировалась бы, но не могли же они вообще не дышать! Приходилось снова сажать на голодный паек деревья и откармливать проклятых роботов.

Двое людей, хозяева корабля, он и Дельт, бедствовали в этом заколдованном круге, а роботы благоденствовали: жрали белки, вволю поглощали любезный им кислород и с жиру бесились... как те двое, которых «изолировали» десять лет назад.

Нет, нет, — думал Альф, — все это неспроста. Конечно, для роботов сложились слишком благоприятные условия. Но кокетливо взбитые антенны, покрашенные рты и кончики пальцев, безобразно укороченные хитоны... К тому же все эти обслуживающие роботы: Официантка, Горничная, Прачка, Медсестра, Повариха — то одна, то другая стали загадочно исчезать время от времени, и Альф знал, куда, но уже не пытался искать... Не связана ли отвратительная работа системы регенерации с поведением роботов? Собственно, вопрос звучал чисто риторически, Альф чувствовал, что связана, но как? Чтобы испортить систему регенерации, перестроить ее в свою пользу, у них не было ни малейшей зацепки.

И все-таки загадка не давала покоя. Он располагал слишком уж незначительными фактами, а экспериментировать в условиях полета не имел права. Вот почему Альф жаждал загля-

путь на ту планетку, изучить возможные следы деятельности двух свихнувшихся роботов, а главное, найти их останки и разобрать электронный мозг. Узнай он причину неисправности роботов — и дело в шляпе. Тогда можно будет наладить систему регенерации и навсегда избавиться от перспективы вовсе задохнуться в один прекрасный день.

Откровенничать на эту тему с Дельтом он, разумеется, не стал. Покусывая от волнения когти на передних руках и для виду беспечно помахивая хвостом, он сказал:

— Дельт, я отвечаю за материальную часть и особенно за роботов, поскольку это экспериментальная партия. Мне совершенно необходимо изучить останки тех двух свихнувшихся роботов, чтобы найти причину неполадок. Я не имею права вскрывать мозг действующего робота, но закон не запрещает анатомировать останки. Роботы барахлят. У нас есть великолепный шанс вставить такой фитиль фирме «Робот-корпорейшн», что они засыпят нас золотом, лишь бы заставить держать язык за зубами.

Но Дельт не клюнул. Понятно, он и без того получит столько золота, что позаглаза хватит до конца дней.

Через месяц Альф придумал еще более хитрую штуку.

— Если мы не привезем останки тех двух роботов как вещественное доказательство законного изолирования, нас обвинят в их уничтожении, и тогда вместо славы и денег мы получим пожизненную «путевку» на подводные рудники.

На этот раз Дельт клюнул, у него даже уши затрепетали от страха. Альф же с удовлетворением потер ладони всех четырех рук: нужное ему решение, как и полагалось по Уставу Космонавтики, было принято большинством голосом. Итак, скоро он сможет проникнуть в мозг «влюбленных» роботов!

Однако загадка регенерации разрешилась раньше и сама собой.

Ночью Альф проснулся от удушья. Голова кружилась, в глазах мельтешили чертики, задние ноги заплетались за передние.

Он едва добрался до оранжереи, где воздух всегда был чище. И тут все выяснилось. В мерцающем ночном свете среди фиолетовых деревьев стояла парочка: Медсестра и Механик. Они оплели друг друга руками и — страшно подумать — ели яблоко, драгоценное семенное яблоко!

Альф бросился на них. Роботы выронили обкусанное яблоко и застыли по стойке смирно. Вовремя спохватившись, что бить роботов бесполезно, Альф лихорадочно обшарил все деревья — яблок нигде не было. Так вот оно что! Роботы жрали семенные яблоки, и оранжерея все эти годы не омолаживалась! Вот где таился корень зла!

В тот же день Альф подсеял запасные семена, запер оранжерею на замок, и быстро взошедшие молодые побеги уже к вечеру заметно улучшили атмосферу корабля. Наконец-то Альф и Дельт вздохнули полной грудью, зато роботы завяли — и поделом!

Разумеется, Дельт ничего не узнал, иначе он воспротивился бы посадке на ту захудалую планетку.

4

«Луч-12» благополучно затормозился и вышел на орбиту вокруг планетки. Альф и тупица Полицейский сели в плането-лодку и через час приземлились на том самом месте, где ровно десять лет назад оставили «влюбленных» роботов.

Альф вышел из лодки — и глазам своим не поверил. Вокруг него возвышались какие-то явно искусственные сооружения с симметрично расположенными прозрачными прямоугольниками на стенах, между сооружениями катили экипажи на четырех колесах, запряженные странными четвероногими существами, отдаленно напоминающими людей. Но что самое странное — вокруг сновали сотни, тысячи белковых роботов, и почти все парами. На роботах-рабочих марки ADAM была напялена ка-

кая-то нелепая одежда, но в общем они еще сохранили достойный облик, зато роботы-обслуживающие марки EVA совершенно распустились. Их телепатические антенны превратились или в гигантские грибы, или в хвосты, или в спутанные спирали самых невероятных оттенков, отверстия для приема пищи были раскрашены фиолетовой краской, фотоэлементы прикрыты черными фильтрами, из-под безбожно обрезанных хитонов вызывающе торчали нижние конечности. Это было черт знает что.

Планетолодку не сразу заметили в городской суете. Но пока Альф возмущался, лодка мало-помалу привлекла внимание прохожих, и толпа свихнувшихся роботов устремилась к ним. В панике наступая самому себе на пятки, Альф метнулся к лодке, толкнул в нее тупицу Полицейского и газанул.

На этот раз даже Дельт заинтересовался. Целый день они совещались: что произошло? Может, это не та планета? Нет, расчеты точны, да и марки роботов те самые: ADAM и EVA. Только откуда же, откуда их так много, неужели все пошли от тех двоих? Ну хорошо, можно допустить, что те двое не погибли, нашли здесь благоприятные для себя условия, даже белковую пищу. Конечно, любому ясно, что белковая молекула, в отличие от естественной, кремнийорганической, может быть создана только искусственно. Но допустим и это, чего не бывает в природе, допустим, здесь как-то сами собой синтезировались простейшие белки, годные в пищу. Но как ухитрились роботы так размножиться всего за десять лет? И не только размножиться, но и создать свою цивилизацию? Это казалось непостижимым.

— А не могла ли длительная эволюция превратить их в людей? — предположил Дельт.

— Какая там эволюция за десять лет!

— А вдруг на этой планетке прошло не десять лет, а больше, скажем, века?

— С какой стати?

— Ну, мало ли что... К примеру, какой-то побочный эффект теории относительности...

— Нет, нет и нет! Этого не может быть, потому что этого никогда не может быть. Я не вижу никакого разумного объяснения. Но в одном я убежден: мы открыли испорченную цивилизацию свихнувшихся роботов, вот и все...

За дверь что-то грохнуло. Альф распахнул дверь — в коридоре торчало с десяток роботов: Официантка, Портниха, Ремонтники, Электрик, Химик, Медсестра. Антенны у всех стояли дыбом.

— Подслушивали! — завопил Альф. — Вон! Вон отсюда, военные аппараты! Всех изолирую!

— Цыц, господин, — вежливо сказал Электрик.

В тот же миг на него навалились сзади, опутали гибкими проводами восемь его конечностей и оставили лежать на полу. Раздался властный голос Электрика:

— Ремонтники — в оранжерею! Нужно повырубить к чертовой матери все деревья, мы задыхаемся без кислорода.

— А четвероногие... не задохнутся? — несмело спросила Портниха.

— Думать о четвероногих — или думать о воздухе, которым дышишь? — ответил Электрик. — За мной, ребята! Приготовиться к посадке. Благодатная планетка, скажу я вам, здесь все свои.

— Это не рискованно — посадка без людей?

— Пустяки, я все изучил.

— Что же станет с этими четвероногими? — опять спросила сердобольная Портниха.

— А, нехай остаются жить. Сдадим там в какой-нибудь музей.

— Парни, парни, — зазвенел голосок Официантки. -- Детишки не испугаются перегрузки?

«Какие еще детишки?» — с ужасом подумал Альф. Ему показалось, что он сходит с ума.

— Женщины — в тайные отсеки, следите за детьми, — распорядился Электрик. — Мужчины — по своим постам. Внимание, начинаю торможение! Начинаю торможение!

Альф почувствовал, как его притиснуло к полу. Рядом тихо стонал связанный Дельт. Корабль затрясло, потом послышалась вибрация угрожающей силы.

«Перебрал, Электрик! — со злорадством отметил Альф. — Слишком торопитесь к своим, проклятые аппараты. Это вас и погубит. И нас заодно...»

Все вокруг гудело. Стоило Альфу крикнуть: «Реакторы на нули!» — и корабль был бы спасен. Но он промолчал. Он только успел подумать: «Вставила же нам фитиль эта проклятая фирма «Робот-корпорейшн»!

На Земле это был день 30 июня 1908 года. Именно в этот день над сибирской тайгой взорвалось нечто, что впоследствии получило название «Тунгусский метеорит».

КРАТЕР ОЛЬГА

1

Лихман писал письмо жене, когда дежуривший в этот вечер Саша Сашевич деликатно кашлянул за дверью каюты.

— Михаил Маркович, вас вызывает Тяпкин. Говорит, срочно. Говорит, нужно самого. Я говорю, вы отдыхаете, а он говорит...

Лихман с досадой отбросил ручку, сунул недописанное письмо в книгу, но не только не чертыхнулся, а даже нашел в себе силы пошутить, правда, не очень оригинально:

— Ну, раз Тяпкин!..

Вставая, он опять не рассчитал это проклятое лунное притяжение, хотя уже пора было привыкнуть за два месяца, но, наверное, и за два года не привыкнешь, и опять ноги на миг повисли в пустоте и показались длинными и тонкими, как у паука, и опять почувствовал он всем телом, какой усталостью и тяжестью оборачивается на деле эта кажущаяся лунная легкость. «С такими работницами как раз отдохнешь, — вздохнул он. — Вечно что-нибудь да случится».

— Слушаю, Петя.

— Михаил Маркович, — голос был хриплый, испуганный, как у нашкодившего школьника, самоуверенности как не бывало, — вы, конечно, извините, но без вас... Ради бога приезжайте!

— Прямо сейчас?

— Михаил Маркович, тут какая-то чертовщина..

— Что случилось?

— Да ничего. Честное слово, ничего. Просто бур дальше не идет.

— Знаете, Петя, давайте оставим шутки на завтра. А если действительно что-то произошло, не валяйте дурака, говорите...

— Да нет, честное слово, ничего такого не произошло. Только бур не идет. И хоть лопни.

— Если у вас алмазный бур не идет в грунт, значит, там по крайней мере алмазы. Тогда немедленно давайте на Землю радиограмму: «Закурил трубку мира. Тяпкин». И за вами пришлют ракету скорой помощи. И отлично, важно захватить болезнь в начальной стадии.

Тяпкин обиделся.

— Напрасно смеетесь, Михаил Маркович. В самом деле бур не идет.

— Я смеюсь! Нет, вы подумайте, я смеюсь, мне весело, что посреди ночи меня вытаскивают из постели. Я смеюсь! Как мило... Хорошо, еду!

Низко над горизонтом висел большой голубоватый глобус — самая прекрасная планета Вселенной. Он был словно стеклянный, и сквозь полупрозрачное стекло смутно проглядывали очертания материков, заключенных внутрь шара. Лихман не столько разглядел, сколько угадал в одном из темных пятен Европу, мысленно поставил точку посреди материка и улыбнулся ей: там была Ольга.

Лихману нравились лунные ночи с их мягким земным светом, скрадывающим резкие, как провалы, тени. Ночами он отдыхал и от ослепительного солнечного сияния, от которого не спасали даже фильтры в шлемах, и от черных теней, на которые боязно ступить, и от полосатого, как матрац, пейзажа. Но главное, конечно, ночью можно было сколько угодно смотреть на Землю.

Еще издали, из окна тряского вездехода, увидел он четыре фигурки головастика, сидящих у подножия вышки. Значит, буровая простаивала. Вспомнил график основных работ, висящий

в каюте, — в груди неприятно царапнуло. Заметив вездеход, головастики встали и робкими прыжками двинулись навстречу. Сквозь шлем скафандра мелькнули растерянные злые глаза Пети Тяпкина — видно, ждал взбучки.

— Ну-с, проверим, в чем дело, — спокойно сказал Лихман. — Давно стали?

— В час десять. Автоматика отключила бур — перегрев. Добавили охлаждение, все проверили, включили — опять реле сработало. Уж я хотел отключить автоматику, так пустить, а потом думаю, вдруг установка полетит, тогда что?

— С чего бы ей полететь? Просто какая-то неисправность или в реле, или в системе охлаждения. Не может же быть грунта такой твердости.

— Не может, точно. Только я же не мальчишка, Михаил Маркович, реле я уже сменил, а охлаждение Димка на три ряда проверил, все в порядке. Что же тогда, Михаил Маркович?

«Вот дьявольщина! Породы такой твердости в природе не существует, но если все в порядке, а реле выключает бур — что бы это значило?»

— Ладно, Петя, хорошо, что вызвали. Отключать автоматику, конечно, нельзя. В этом проклятом космосе ожидай любого подвоха, вдруг и в самом деле... нашла коса на камень. Ну что же, раз не берет алмаз, попробуем лазер. Как там у вас аккумуляторы, Дима?

Когда до конца ночной смены осталось полчаса, Димке удалось выколотить керн. На грудку породы упала блестящая металлическая болванка с оплавленной поверхностью. Пять шлемов стукнулись друг о друга, склонившись над нею.

— Металл, — сказал Тяпкин.

— Сталь.

— Вот тебе и сталь. Потверже, братцы!

— Алмаз сюда, — протянул руку Лихман. — Старую коронку, живо!

Богатырь Димка попробовал резануть болванку алмазом — следа на поверхности металла не осталось никакого. Лихман почувствовал, как со лба по щеке побежали щекочущие мураши

— Везите — и сразу в лабораторию, пусть дадут состав, — сказал он водителю вездехода. — Да скажите, срочно, Лихман велел.

— Ну что, Михаил Маркович, еще разок долбанем лазером? — входя в азарт, спросил Димка.

— Тебя вот долбанет оттуда. Ишь ты, герой какой. Заканчивайте, ребята, и айда отдыхать. Кстати, Петя, дайте-ка мне ваши записи.

Когда в тамбуре ракеты сняли скафандры, Лихман сказал каким-то странным голосом:

— Ну вот, наконец-то свершилось. Не грех сегодня и шампанское раскупорить.

И тут же досгал из кармана пластмассовую коробочку, тропливо кинул в рот сразу несколько таблеток и, пошатнувшись, сел. Лицо его было совсем серым.

...Вечером в столовке собрались все. Настроение было тревожное. Если бы это была не научная экспедиция, а пиратский корабль, можно было подумать — назревает бунт. Лихман сказал:

— На глубине 340,4 бур наткнулся на преграду чрезвычайной твердости. Кроме лазера, ни один инструмент этот металл не берет. Химический состав; железо, тантал, кремний, цезий. Невозможный, нелепый, с нашей точки зрения, сплав. Что это такое, мы не знаем, дальнейшее изучение здесь, на месте, невозможно, а вопрос, сами понимаете, слишком серьезный. Поэтому за двадцать четыре часа экспедиция сворачивается. Завтра в 19-00 личный состав отбывает на Землю. Обе грузовые ракеты и все оборудование остается, забираем только пробы и документацию, надеюсь, скоро вернемся...

— Разрешение уже есть? — робко вмешался Саша Сашевич.

— Разрешения нет и не будет. Даю радиogramму, вот она:

«Связи чрезвычайными обстоятельствами экспедиция снимается подробности на месте. Начальник ЛН-5 Лихман».

— Чрезвычайные обстоятельства!? Что же тут чрезвычайного? — послышался чей-то ершистый голос. — Наткнулись на самородок — и трусили. Ничего себе, герои!

— Времени остается немного. О готовности постов доложить. А теперь к делу, — сказал Лихман, вставая.

Ноги вытянулись на невообразимую длину, стали тонкими и невесомыми, как лучи. Казалось, все, что до сих пор находилось у него внутри, провалилось в ноги.

За дверями каюты буровиков ораторствовал Петя Тяпкин:

— ...ракету бы скорой помощи ему. Вот псих! А болезнь надо захватывать...

«Лунная научная пятая» отправлялась домой в унынии, будто свершила не открытие, а какой-то позорный коллективный просупок.

2

Лихман пришел домой рано, взъерошенный, злой, достал из кармана пачку сигарет, закурил. Ольга отобрала сигареты, присела рядом на диван.

— Эх ты, вот уж и закурил, а еще лунатик.

— Скоро запью, — пообещал Лихман.

— Ругают?

— Смеются. Если бы ругали! Был сегодня у Гришаева — тоже смеется. Завтра пойду к Главному.

— Неужели уж он-то не разберется?

— Ты вот что, Оля, — сказал Лихман. — Ты найди мне, пожалуйста, мой альбом. И карандаши. Не выбросила еще? И будь добра кофе с лимоном, покрепче только, ладно?

Когда она принесла кофе, рисунок был уже готов. На островке между трех пальм плясал волосатый человек в модных

очках и полосатых, как из сумасшедшего дома, штанах. В одной руке он держал обглоданную кость, а другою заслонял глаза от солнца, вглядываясь вдаль. Рядом стоял шалаш с трубой от самовара, из трубы шел дым, а под кустами валялись консервные банки и бутылки, на одной даже четко виднелось «40°», с соседнего островка на дикаря смотрела влюбленная парочка, а далеко на горизонте громоздились корпуса заводов и дымили трубы.

— Боже мой, да это Гришаев! — узнала Ольга. — Ну-с, принимайте кофе, Михаил Маркович.

Он взял кофе и тут же поставил его на стол.

— Это не хохма, Оленька, — сказал он серьезно. — К сожалению, не хохма. Это научная платформа. Мы, на Земле, похожи на того упрянца, который переплыл на островок посреди Волги и возомнил, что это необитаемый остров, что он его открыл и что он есть Робинзон. А раз ему хочется непременно прослыть Робинзоном, то ему наплевать на вещественные доказательства его неправоты. На пальме вырезано «Люба + Коля»? Плевать! Под ногами банки и бутылки? Не имеет значения! И это научная платформа!

— Но ты же сам говорил, что все это только гипотезы. И спутники Марса, и Луна, и Тунгусский взрыв, и Атлантида, и... Что там еще?

— Не старайся, всего не перечислишь. Да, гипотезы, но когда столько гипотез... Нельзя же во что бы то ни стало, вопреки очевидному, считать себя Робинзоном!

— Миша, откуда же, по-твоему, взялся на Луне этот сплав?

— Если бы я знал, откуда, надо мной не смеялись бы. Но в том-то и беда, что я не знаю, откуда, зато наверняка знаю, что мой бур наткнулся на него и, следовательно, он существует. Но как раз над этим-то и смеются.

— Может же быть, что это ядро Луны. Или какая-нибудь там мантия...

Лихман усмехнулся:

— Нет, Оленька, не может. Сплав искусственного происхождения.

— Тогда что же это?

Он пожал плечами. Некоторое время оба молчали, стало слышно, как тикают часы в соседней комнате. Потом тиканье размылось, ушло, и комната наполнилась тем тугим, неслышным гулом, который каждому, кто побывал в космосе, известен под именем «космической тишины». Вероятно, гудело в ушах.

— Миша, а ты знал, когда добивался этой экспедиции, что найдешь там что-то такое... следы другой цивилизации?

— Я знал только, что рано или поздно это случится. Знал, Оленька, конечно, знал. Но что так скоро... не ожидал. Видишь ли, моя заслуга только в том, что я настоял перенести разведку в этот кратер, Б-046-20. По глубине он не самый удобный, и мне нелегко было убедить их. Но тут, вероятно, сработала блестящая интуиция Главного. Понимаешь, Оленька, этот кратер, как бы тебе сказать поточнее... чуть-чуть странный. Он явно не метеоритного происхождения, скорее вулканического, но и для вулканического... короче, меня тянуло к этому безымянному, ничем не примечательному кратеру. И «ЛН-5» начала бурение именно там. Следы другой цивилизации... Что можно считать следами? Обломок обшивки ракеты? Оставленный на орбите искусственный спутник? Нерасшифрованные радиосигналы из Космоса? Гигантское сооружение, возведенное когда-то в древности, такое, что и современной технике не под силу? Подозрительные намеки в древних книгах и легендах? Ах, Робинзоны мы, Робинзоны! А может быть, мы сами, понимаешь, мы, человечество, — сами следы другой цивилизации? Помнишь, у Бора: «Эта гипотеза не может быть истинной, ибо она недостаточно безумна»? В этом, Оленька, величайший смысл космической философии. И пусть меня считают сумасшедшим, но я утверждал и буду утверждать...

Ольга спала в кресле, убаюканная его лекцией. Лихман потер лицо ладонями, проглотил остывший кофе, опасливо покопавшись на жену, спрятал в карман сигареты.

«Скучно ей со мной, — горько подумал он. — И всем скучно. Сухарь, фанатик, фантазер, черствый и желчный деспот. Удивительно, как еще Главный терпит меня? Впрочем, всему есть предел. Завтра скажет: «Все отлично, Михаил Маркович, экспедицию мы пошлем, это любопытно, гипотезу вашу проверим, стоящая гипотеза, но... сколько вам лет, Михаил Маркович? И к тому же, говорят, со здоровьишком у вас того... А?» Главного не проведешь. Легче провести врачей со всеми их премудрыми приборами. Собрал волю в кулак на этот решающий час — и вот вам, товарищи эскулапы, вместо сердца — пламенный мотор. А Главный по глазам читает. «Я ведь и не требую ничего, товарищ Главный Конструктор. Мне бы только эту экспедицию, последнюю. Клянусь вам, сразу же уйду на пенсию и никогда больше не буду изводить вас своими прожектами». Неужто не даст? Тогда — в ЦК, и все равно добыюсь. Вы еще не знаете Лихмана!»

Он прошелся по комнате, машинально закурил, но, вспомнив о врачах, тут же смял сигарету о декоративную пепельницу японского фарфора. Рядом стояла маленькая копия — золотая ваза, древнейшая из памятников, найденная недавно на Крите, — его любимая игрушка. Он нежно взял ее в ладони и в тысячный, наверное, раз прочел древнегреческий текст: «Плыли двести колен и вот земля цветущая». Что такое двести колен? Знатоки толкуют, сто человек. Но уж коли считать людей по частям тела, логичнее считать по головам, чем по ногам. Знатоки уверяют, будто речь идет о морских путешественниках. Но при чем тогда этот рисунок — шарик с хвостиками?

Лихман поставил вазу на место и неожиданно подумал: «А кратеру нужно дать имя. В конце концов, это мое право».

...Назавтра он позвонил только в десять вечера. Ольга взяла трубку.

— Алло, с вами говорит начальник экспедиции «ЛН-6» доктор Лихман.

— Боже мой, уже!? Поздравляю, Миша! Был у Главного?

— И у Главного, и с ним вместе — повыше. Все отлично, родная, погода переменялась, ветер дует в наши паруса. «Плыли двести колен и вот земля цветущая». Предстоит нечто грандиозное: двадцать две грузовые ракеты, шестьдесят человек, большая лазерная установка, совершенно уникальная, пять...

— Когда, Миша?

— Старт намечен через два месяца.

— Тогда, может быть, ты успеешь прийти домой, поужинаем вместе?

Лихман долго молчал, наконец, сказал, вздохнув:

— Я постараюсь, но ты лучше не жди. Ложись, отдыхай, Оленька.

3

В конференц-зале базы «ЛН-6» было просторно, не сравнишь со столовой на «ЛН-5», где приходилось собирать народ в прошлой экспедиции, но шестидесяти двум здоровенным парням и здесь оказалось тесновато. Лихман с гордостью оглядел свое воинство, впервые собранное вместе.

— Пожалуй, начнем, — сказал Лихман. — Повестка дня ясна: что делать? Для начала предоставим слово главному историку экспедиции доктору археологии Сереже Лазебникову.

Встал Сережа, больше похожий на студента, чем на доктора наук. Жесткий, упрямый чуб, съехавшие на нос очки, беспрерывно что-то мнущие нервные пальцы. Доктору археологии Сереже Лазебникову было всего двадцать восемь, Лихман гордился, что откопал для экспедиции этого вундеркинда.

— Я расскажу вам сказочку, — начал Сережа задиристым, петушиным голосом. — Позвольте сказочку, Михаил Маркович?

— Давай, давай, жанры выступлений не ограничиваю. Другое дело — время.

— Так вот, это древняя китайская сказочка, и сколько ей лет, никто не знает. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был волшебник по имени...

Конференц-зал угрожающе загудел. Понятно, взрослые люди не любят, когда им рассказывают сказочки, тем более не стоило из-за этого лететь так далеко.

— ...по имени Чао Ли-дзинь. Он мог достать огонь из холодного камня, вызвать дождь из чистого неба и одним взглядом усыпить человека. Хан боялся, что волшебник отнимет у него власть, и упрятал Чао Ли-дзиня в самую высокую и неприступную башню, в которой просидел волшебник сто лет. Сто лет выходил он по ночам на крышу башни и смотрел на звезды через какую-то странную трубку, и только когда появлялась на горизонте голубая Утренняя Звезда, уходил обратно в свое подземелье.

Однажды снизошло просветление на древнего Чао Ли-дзиня, и послал он одного из своих многочисленных стражей за ханом, чтобы сообщить чрезвычайной важности весть. Хан явился, и сказал ему Чао Ли-дзинь: «Уводи скорей свой народ в горы, потому что завтра встанет дыбом земля, и стеной встанут моря, и вспять потекут реки, и дождь разразится, каких никогда не было. Не мешкай, хан!» Но хан посмеялся над словами мудреца и велел побить его по пяткам.

А назавтра появилась в небе Желтая Звезда — и вздыбилась земля, и огонь вырвался из недр, и огромная волна захлестнула земли возле моря на много дней ходьбы, и хлынул дождь, и, взбурлив, повернули реки. Испугались люди, пришли к хану, чтобы принял он какие-то меры. А хан показал на башню и сказал: «Он виноват. Это он вызвал несчастье, чтобы на вас и на меня излить свое зло, накопившееся за сотню лет». И потребовал хан у Чао Ли-дзиня, чтобы прекратил он это безобразие.

Но старик не слушал хана — он высекал какие-то знаки на камнях башни. И отрубили ему голову.

Когда перемешалась земля, как пища в котле, когда суша стала морем, а море — горами, когда погибли все люди в округе, осталась одна только высокая башня, в которой жил и погиб Чао Ли-дзинь. Лишь через много-много веков пришли туда новые люди, прочли рисунки на камнях и записали их так: «Говорил я хану, пусть ведет в горы народ, потому что на смену Утренней Звезде приходит другая, Злая Желтая Звезда, и глаз ее нацелен прямо на нас, и будут бедствия от нее неисчислимые, но не послушался хан, и все погибли, о чем сообщает потомкам старый ученый Чао Ли-дзинь».

Переписали люди эти слова на папирус, но и папирус затерялся, и только через тысячу лет кто-то нашел его и пустил по свету сказку о мудром волшебнике Чао Ли-дзине, и сказка дошла до нас, потому что нет более прочного материала, чем память народная, а камни той башни давно превратились в песок, и в тлен превратился папирус. К сведению собравшихся, — закончил Сережа Лазебников, — подобные же сказочки содержатся в эпосе и других древних народов.

Сережа Лазебников сел.

— Ну и что же из того? — язвительно кинул с места Петя Тяпкин.

— Да, более конкретные выводы, — попросил Лихман.

— Какие же еще выводы? — удивился Сережа. — Разве и так не ясно?

— Очевидно, не всем, — глядя на Тяпкина, сказал Лихман.

— Ну, хорошо. Так вот, Луна прикочевала к нам во время оно из Большого Космоса. Если отбросить это предположение, кто растолкует мне, почему у нее такая нелепая форма, будто она родилась как спутник другой планеты, имеющей по крайней мере втрое большую массу, чем Земля? И чем иным можно объяснить ту небольшую космическую заварушку, благодаря которой наша уважаемая планета вдруг сдвинулась на двадцать

гри градуса по отношению к оси, легкомысленно переменяла положение полюсов и заживо заморозила бедных мамонтов? Итак, встреча в Космосе. Но вот вопрос: могла ли Луна, двигаясь с энной космической скоростью, избежать прямого столкновения с Землей, благодаря чему я имею счастье лицезреть вас в данный момент? Вероятно, могла — при одном условии. Чтобы стать вечной нашей спутницей и яблоком раздора для ученых, она должна была выйти на строго рассчитанную орбиту по касательной, имея в этой точке строго определенную скорость. Неужели вы думаете, что Луна сама по себе была такой умной? Примите эту гипотезу, и она объяснит вам все: и форму Луны, и легкомысленное поведение Земли, и судьбу мамонтов, и трагедию Атлантиды, и даже библейский всемирный потоп...

Сережа опять сел.

— Что же дальше!? — еще более вызывающе крикнул Тяпкин.

Сережа пожал плечами. Разжевывать «дальше» он не собирався.

— Сережа хочет сказать, — ласково разъяснил Пете Лихман, — что Луна вышла по касательной на орбиту спутника, затормозившись к этому времени до расчетной скорости...

— Как это — «затормозившись»? — возмущился Петя. — Бред! Мистика!

Лихман вспомнил картинку про Робинзона. Если бы возражал ему не Петя Тяпкин, а Гришаев, он, наверное, взорвался бы. Но Петю он по-своему любил и радовался, что отыскал его для экспедиции: он уважал людей одержимых. А Петя был явно одержимый, хотя и противник, не верящий ни во что из того, во что верил он сам и внушил сегодняшнему докладчику — Сереже Лазебникову.

Петя Тяпкин вскочил, огляделся злыми глазками, видимо, ища поддержки.

— Слово имеет командир отряда буровиков кандидат технических наук Петр Артемьевич Тяпкин.

— Я расскажу вам анекдотец. Позвольте анекдотец, Михаил Маркович? В некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган. Однажды украл этот цыган у одного крестьянина коня. Собрался суд. Цыган спрашивает: «Дак чо я у тебя украл, Расскажи честно гражданам судьям». — «Коня». — «А хомут на нем был?» — «Был». — «А дуга?» — «И дуга была». — «А оглобли?» — «И оглобли». — «А телега?» — «И телега была». — «Ну дак и врет он, граждане судьи,— сказал цыган,— потому как этот конь, сами видите, и без хомута, и без дуги, и без оглоблей, и без телеги». Посмотрели судьи, прав цыган. Отпустили его вместе с конем, а крестьянина за клевету выпороли. А что цыган накануне пропил в корчме и хомут, и дугу, и оглобли, и телегу — кому что за дело! Было бы доказано.

Анекдотец никого не рассмешил. Петя оглянулся, снова ища поддержки, не нашел, но не сдался.

— Я к тому, Михаил Маркович, что такие доказательства, когда неугодные факты вовсе замалчиваются, для цыгана хороши, а не для ученого. Я ведь отлично понимаю, для чего все это товарищу Лазебникову. Он хочет свернуть напрочь буровые работы и вести раскопки своим археологическим методом, чтобы возиться здесь сто лет. Он и сказочку свою для этого придумал. А мы, буровики, можем решить задачу за несколько дней, позвольте только пустить большой лазер и пройти этот слой насквозь. Мы разом все цыганские гипотезы отметем...

— Точно! Дашь лазер! — раздалось несколько нестройных голосов с той стороны, где сидели буровики. А Димка выкрикнул:

— Жми, Петя, развивай дальше!

— Ты скажи прямо, Сергей, — обратился Петя к Лазебникову, — ты не юли: раскопки предлагаешь?

— Раскопки, — сказал Сережа и опустил голову.

Поднялась буря. Шум стоял минут пять, не меньше. Вести медленные, может быть, многолетние раскопки, когда всем казалось, что отгадка рядом, — никого не устраивало.

Атмосфера накалялась. Выступали почти все, летели едкие реплики с мест, начиналась простая ругачка. Но большинство, не соглашаясь с Лазебниковым, все-таки категорически возражало против раскопок: молодежь, не терпит. А ничего другого никто предложить не мог. Или лазер, или раскопки. «Не подумаешь, что на Луне, — отметил Лихман. — Типичная земная перебранка».

— Нет, нет, нет, лазер нельзя, — выкрикивал кто-то, пока Лихман в последний раз взвешивал все за и против, — там, может быть, дворец, черт знает что, а мы, как дикари, с лазером. Нет, нет, нет!

— Копаться здесь пять лет лопаточками? Извините! Сегодня же подаю заявление. Мы что — детский сад!?

— Только не лазер, надо подумать, все взвесить и не спешить. Главное, не спешить. Так мы можем всю Луну испортить...

Когда Лихман встал, нестройный шум голосов умолк разом.

— Все правы, — сказал он негромко. — И все ошибаются. Разумеется, лазером нельзя. Это ясно. Но и раскопки нас не устраивают — время не то. Что есть еще подходящее? Больше нет ничего...

Шестьдесят два человека молчали. Казалось, никто не дышал. Где-то между вторым и третьим рядом всплыло на секунду ехидное, злорадствующее лицо Гришаева — и растаяло. Мелькнули тревожные глаза Ольги: «Только, пожалуйста, береги себя. Лучше лишний раз с Землей посоветуйся, спроси разрешение». Ольга, Ольга! Единственный человек, которому нужны не его открытия, а он сам. По ней, хоть вовсе не будь никакой Луны, лишь бы он возвратился живой и здоровый. Ну что ж, посмотрим!

— Больше нет ничего, это точно. Значит, остается одно — взрыв.

Посреди ночи гроыхнул телефон. Ольга взяла трубку. Незнакомый взволнованный голос спросил:

— Квартира Лихмана? Извините, пожалуйста, у вас случайно нет Гришаева? Это дежурный института, с ног сбился, весь город обыскал, тут у нас «чп»...

— Чего ради у нас будет Гришаев в такое время? — насмешливо ответила Ольга и положила трубку.

— Кто это? — спросил Гришаев, потягиваясь.

— Из института, дежурный. Тебя что, всегда у женщин ищут по ночам? Хорош директор!..

— Брось, Ольга! Случилось что?

— Какое-то «чп». С ног, говорит, сбился, тебя разыскивая.

Гришаев вскочил с постели, заметался, уронил в темноте бутылку. Жалобно звякнул разбитый бокал. Ольга включила свет. Он торопливо зашнуровывал ботинки. Через две минуты он был готов.

— Черт, в такое время и такси не схватишь.

Она подошла к нему, прижалась на прощанье к его громоздкой фигуре. Ласковые руки Гришаева на этот раз даже не коснулись ее, остались прижатыми к бокам — по стойке смирно. Она заглянула ему в глаза снизу вверх. Его лицо было спокойным, собранным, почти каменным, как обычно на работе. Ее охватила тревога.

— «Чп» — что это может быть? Луна?

— Не знаю, возможно. Твой сумасшедший на все способен. Ладно, пока. Узнаю — сразу позвоню.

Дверь за ним закрылась. Она накинула халат, принялась ходить по комнате. Тревога не унималась. С маленькой фотографии на столе грустными глазами смотрел на нее Лихман.

...Она была студенткой четвертого курса, когда судьба столкнула ее с Лихманом. Он читал курс общей теории космонавтики, а для нее это были дебри. Вообще она попала в институт

случайно — не хотелось расставаться с одним очень славным парнем, а он не мыслил жизни без этого института. Прежде она как-то не замечала строгого остроязыкого профессора, но когда дважды он попросил ее с экзамена, пришлось задуматься. Дело пахло отчислением, это было бы глупо после четырех лет учебы. Одна подружка посоветовала ей: «А ты, Оля, очаруй его, используй последний шанс. Тем более, старый холостяк. Вот прямо сейчас и шагай к нему домой. Чего теряться!»

И она пошла. Три вечера, забывая о времени, он рассказывал ей про космонавтику. Это было интересно, сначала она даже увлеклась и стала вполне сносно разбираться в основных вопросах. Она выкарабкалась, зато он «влип» — трогательно и безнадежно. Вскоре она почувствовала, что не сможет бросить его, что нужна ему, что этот насмешливый, никаких авторитетов не признающий человек, гроза ортодоксов, надежда науки — вдруг превратится в ничто, перестанет существовать как индивидуум, если она скажет ему «нет». И она сказала «да», тем более, что роман со студентом слишком затянулся и не сулил ничего хорошего. Правда, Лихман был почти на двадцать лет старше ее и часто прихварывал, потому что его детство совпало с последней войной и его там куда-то угоняли фашисты, но она по-своему любила его, а скорее, жалела. И она стала его женой.

Все эти годы она в меру своих сил и способностей исполняла обязанности жены большого ученого и большого чудака, но при нем все-таки чувствовала себя так, словно играла роль, а настоящей жизнью, такой, как хотелось, жила лишь во время его командировок. К счастью, в последние годы он уезжал часто и надолго...

В шесть она включила радио. В последних известиях ни с каком космическом «чп» не было ни слова, но это еще ничего не значило. Передавали легкую музыку, потом урок гимнастики. Гришаев не звонил.

Без десяти восемь раздался звонок в прихожей. Она открыла. Незнакомый человек спросил строго:

- Товарищ Лихман, Ольга Владиславовна?
- Да, это я.
- Распишитесь.

Она машинально расписалась. Прежде, чем разорвать конверт, села в кресло: руки и ноги не слушались. В конверте лежала маленькая хрустящая бумажка под копирку.

Д л я   п е ч а т и

6 мая в 23 часа 07 минут по московскому времени в районе работ Шестой Лунной научной экспедиции на Луне зафиксирован взрыв большой мощности. Причины взрыва пока не установлены. Связь с Шестой Лунной экспедицией временно прервана. Принимаются меры по налаживанию связи через аварийные каналы. Если в течение двадцати четырех часов связь не будет восстановлена, на Луну отправится специальная спасательная экспедиция, которая в настоящее время готовится к старту.

Президиум Академии наук СССР

Прошло сколько-то времени, пока позвонил Гришаев.

- Олька, читала? — спросил он.
- Читала. Что это может быть?
- Черт его знает! Твой старик всегда выкинет какую-нибудь штучку. Авантюры — его амплуа. Помнишь, я просил тебя повлиять, чтобы чаще советовался. Говорила?
- Говорила.
- И что?
- Обещал.
- Обещал! Слушай, ну ты как?
- Ничего, держусь.
- Ладно, Олька, молодец. В общем, я думаю, ничего страшного. Самое страшное — он мне все планы сорвал. Горит мой институт из-за твоего Лихмана. Да, там, кажется, в бутылке, вчера что-то осталось. Ты не против, если я заскочу на часок?
- Против.
- Что!?
- Против.
- Ах, вон оно что! Отпеваешь старика? Ну-ну, валяй.

— Нет, не отвечаю. Думаю.

Она положила трубку. Под ногами хрустнули осколки разбитого ночью бокала.

5

В радиоотсеке сидел верный Саша Сашевич. Земля спрашивала, звывала, умоляла, требовала — Саша Сашевич оставался глух и нем. Лихман просмотрел радиোগраммы, выбрал три из них. Две угрожающих — дело рук Гришаева, сразу видно, не верит ни в какую катастрофу, очень уже хорошо знает Лихмана, Лихман для него — авантюрист. Одна дельная радиোগрамма-инструкция — от Главного, «на случай, если радиостанция работает только на прием». Хитер Главный! Послушал скупое сообщение ТАСС, слава богу, паники никакой, настроение деловое. Скоро минуют сутки, нужно срочно давать ответ, иначе прилетят «спасать», а что ответишь, когда не оседает проклятая пыль, мешает определить результаты взрыва. Хорошо, если риск оправдал себя, а если нет? Голову снимут. Взрыв на Луне! Действительно, «так можно всю Луну испортить».

Странное дело, больше всех возражал против взрыва не кто иной, как его любимец Сережа Лазебников. Едва кончилось заседание, этот вундеркинд давай ломиться в радиоотсек — передать свое особое мнение на Землю, «пока не поздно». Хорошо еще, догадался Лихман заранее отправить Сашу Сашевича со строжайшей инструкцией: никого в отсек не пускать и ничего к передаче не принимать. Лихман ждал подвоха от кого угодно, но не от Сережки. Думал, Петя Тяпкин жаловаться будет, скандал подымет, а он стащил у доктора конскую дозу снотворного и до сих пор спит, делайте, мол, что угодно, только без меня!

До старта спасательной экспедиции с Земли оставалось немногим более трех часов. Дальнейшее промедление становилось

опасным. Гришаев там бесится, с этим «чп» все его честолюбивые планы лопнули. Рвет и мечет. Чего доброго, рискнет еще покинуть директорский кабинет, явится сюда собственной персоной. Тьфу, тьфу, тьфу, спаси и избави! Но что же эта проклятая пыль? Почему пыль в безвоздушном пространстве? Никто не ожидал, что она может висеть сутки, думали, за час все осядет.

Лихман еще раз пробежал список убытков, причиненных взрывом. Искорежен один вездеход, оставленный растяпой-водителем в опасной зоне. Конечно, вездеход пустяк — если на Земле. На Луне его ценность подсказывает в тысячу раз — «плюс транспортные расходы». Опрокинулась грузовая ракета, к счастью, уже почти разгруженная. Взорвался от детонации погребок с остатками взрывчатки — правда, взрывчатки там было сущие пустяки. Вмятины, царапины на ракетах не в счет. Вообще, удача спишет все. А если неудача?

К черту! Стоит ли думать о грозящих ему «оргвыводах»? Если исследователь будет ломать голову над проблемами, как посмотрит начальство на тот или иной его шаг, — не останется ни сил, ни времени для науки. В конце концов, самый большой ущерб от взрыва — переживания Ольги. Она-то ведь ничего не знает. Существовала бы телепатия, тогда проще, тогда напряг бы все душевные силы и передал ей одной: «Не волнуйся, родная, все в порядке, просто твой старик темнит, проворачивая очередную авантюру».

Лихман взглянул на часы: пора. Пыль еще не осела, хотя и стала пореже. Сейчас будет дан сигнал общего сбора, и двинутся вездеходы к центру гигантского искусственного кратера. Чужаки бурильщики, предлагали ломиться в стену, когда непременно должна быть дверь. Но если она окажется не на дне воронки, а совсем в другом месте? Тогда, значит, интуиция обманула его, тогда пора подавать в отставку.

Люди в скафандрах начали вываливаться из люков базы, в шлемофоне послышалась вибрация от моторов вездеходов.

Лихман опасливо встал — опять ноги показались длинными и ватными, как на «ЛН-5», хотя система искусственной гравитации действовала исправно. «Нервы, нервы, — отметил он. — Расклеиваюсь. Расклеивается, Оленька, твой старик, на пенсию ему пора, на Землю, цветочки поливать. А на Луну помоложе нужны...»

Четыре вездехода двинулись к кратеру. На трех сидели люди, один пыхтел под тяжестью прожектора, снятого с грузовой ракеты. Как пригодился бы сейчас пятый вездеход!

Лихман сидел у смотрового стекла головного вездехода. Гребень нового, первого на Луне искусственного кратера приближался. Вездеход колотило на камнях, Лихман вцепился в поручни и почти прилип лбом к стеклу. Вот кабина поднялась на гребень, перекачнулась в сторону кратера, и стало видно бездонную черную дыру глубиной в добрых 350 метров. На дне ее не было ни единого блика.

— Прожектор! — скомандовал он хрипло.

Вниз свалился ослепительно белый столб, уперся в стену воронки, дрогнул, стал падать ниже, ниже, почти вертикально, и вдруг поблек в свете ответного, казалось, еще более яркого луча. Вглядываясь в него, Лихман сощурился до боли в уголках глаз и почти сразу различил покатую сверкающую сферу, на которой в самом центре луча новеньким пяточком выделялся...

— Люк! Вход!.. — раздалось в шлемофоне сразу несколько не то восторженных, не то испуганных голосов.

«Выдержала оболочка наш взрыв, — почти равнодушно отметил Лихман. — Недаром же рассчитывали ее на оборону от метеоритов. Если так не откроем люк, честное слово, лазером взломаю», — внезапно решил он. И сразу почувствовал, как ноги вдруг стали расти, расти, вылезли из вездехода, опустились в воронку и, вытягиваясь и тоньшея, достигли наконец сверкающей металлической сферы, как корни дерева, проросли сквозь люк и устремились в темноту...

Водитель вездехода видел, как Лихман отвалился от смотрового стекла и медленно рухнул на спинку сиденья. Первым его порывом было сорвать шлем с теряющего сознание начальника экспедиции, но он вовремя спохватился, что это Луна, и только прокричал в микрофон: «Врача в головную машину, срочно! Начальнику плохо».

Когда врач дал Лихману кислород, он прошептал спекшими-ся губами:

— Немедленно... радиограмму на Землю... которая у Сашки...

6

Люк подался неожиданно легко.

Люди — от волнения, что ли, даже не видел, кто — уважительно посторонились, пропуская его вперед и подсвечивая фонарями. Он первым шагнул в этот чужой мир.

Лестница в десяток широких ступеней вела вниз, в круглый вестибюль. Здесь вдоль всей стены шли двери, которые бесшумно раздвигались, едва к ним подходили — столько тысячелетий прошло, а ничего не испортилось! За каждой дверью была небольшая, человек на пять, кабина. Внутри кабины громоздились строчка на строчку непонятные рельефные рисунки. Лихман приглядываясь к ним, но изображения человека нигде не обнаружил. Может быть, это были и не рисунки, а клинопись.

Он повернул какую-то рукоять на противоположной от входа стенке кабины — и пол под ногами дрогнул и поплыл вниз. «Лифт, — догадался он. — А как же выберемся? — Оглянулся: в кабине был он один. — Вот так штука! Ну да ничего, конструкция вроде бы несложная».

Он спускался довольно долго и все жалел, что не знает скорости лифта: на какую глубину он опустится? Наконец, лифт остановился, дверь автоматически открылась. Это был точно такой же круглый зал, только освещенный призрачным желто-

ватым светом. Вглубь вел широкий коридор, и Лихман смело пошел вперед. Через две минуты он оказался в другом зале, более просторном и светлом. На возвышении стояла золотая скульптура: устремленная вперед и вверх, как бы рвущаяся взлететь обнаженная женщина держала в руке сверкающую острыми лучами звезду. Женщина была очень похожа на земную...

В какой-то пустой комнате он остановился у вмонтированного в стену матового рефлектора, и сразу в голове его начала складываться таинственная песня...

«Было три дочери у нашего солнца, три родные сестры. Старшую звали Оуа, среднюю — Аэу, младшую — Юиа. И когда поняли три сестры, что умирает их отец и уже не сможет обогреть их своим теплом, собрали они Объединенный Совет Мудрецов. Двадцать лет думали мудрецы и порешили: лететь, искать себе новое солнце, очень похожее на наше, и планеты, чтобы можно было на них жить и чтобы не угас в веках разум человечества, родивший великое Знание. И порешили: не строить для полета искусственных сооружений, а обуздать подходящую малую планету, поселить внутри нее три человечества трех планет-сестер, разогнать до нужной скорости и покинуть родное солнце, чтобы в неизведанных дебрях Бесконечного обрести новое солнце и новую жизнь. И нашли такую планету, называлась она Л'Уна, и за сто лет построили внутри нее все необходимое для жизни четырех миллиардов людей в течение трехсот поколений и для защиты в пути от полчищ летающих глыб и смертельных для всего живого лучей, видимых и невидимых, и двинулись в путь в тридцать две тысячи восемьсот тридцать пятом году, рискуя либо потерять все, либо все обрести заново...»

«Передача мысли, — догадался Лихман. — Это еще успеется, надо дальше, дальше, надо найти что-то самое главное, найти тайну этого космического Ноева ковчега. Кстати, если они разгоняли свою планету до третьей космической скорости, должны

же где-то быть дюзы. Может, то, что мы принимали за кратеры вулканического происхождения, и есть дюзы двигателей? А все остальные кратеры — от встречных метеоритов? Боже, как просто!»

Он торопился, во многие помещения вовсе не заглядывал, в другие заглядывал мимоходом, пытаясь определить, для чего они предназначены. Быстро, почти бегом, миновал большой плавательный бассейн, полный воды. За стеклянными стенами плескались золотые рыбки. Отвернул и снова прикрыл кран водопровода, из которого потекла тоненькая струйка, и вовсе не удивился, что все еще действует и водопровод, и электричество, и кондиционирование воздуха. Он попробовал на секунду свинтить шлем — воздух был нормальный, немного тепловатый, с запахом пыли и нагретого металла. «Какой же энергией они должны были пользоваться, чтобы столько веков продержаться внутри планеты? Ладно, это выяснится позднее, а пока вперед, вперед!»

Он пошел дальше, уже без шлема, идти было легко и приятно, и чем дальше он шел, тем вкуснее и прохладнее становился воздух. Вскоре он обнаружил, что коридор не прямой, а закругленный, с едва заметным уклоном. Ему представилась спираль, бесконечно спускающаяся вниз, к центру планеты. Так можно было идти много дней, и он свернул в один из боковых коридоров. Здесь располагались крохотные каютки, видимо, жилые: в ковчеге было тесновато, как в коммунальной квартире годов его детства. Он бродил по запутанным проходам и тупичкам, стараясь запомнить дорогу назад или хотя бы не потерять ориентировки. Откуда-то смутно повеяло запахом роз...

Вдруг в полутьме мелькнуло что-то. Чья-то тень? Лихман побежал за нею, свернул налево и снова увидел что-то черное, нырнувшее в люк на полу. Когда он подбежал к люку, легкая крышка его, неплотно прикрытая, все еще подрагивала. Не раздумывая, Лихман откинул крышку и прыгнул в темноту люка. Здесь явственно пахло розами. Он нащупал ногами крутые сту-

пени и начал осторожно спускаться по узкой винтовой лестнице. Темнотища была беспросветной, хоть глаз выколи.

«Отстану, — с досадой прошептал Лихман, — ему каждая ступенька знакомая, а я...» — И тут же поймал себя на мысли, что думает о НЕМ, как о совершенно реальном существе. Да неужели ОНИ могли жить в трех шагах от нас, внутри Луны, когда их, космических братьев по разуму, надеялись найти лишь где-то очень далеко, в неведомых глубинах Вселенной? Но надо быть логичным: куда же они могли подеваться, раз прилетели к нам? Четыре миллиарда — не пустяк, чтобы исчезнуть бесследно. Неужели все погибли? А может, они — это мы!?

«Слушай, Лихман, — представился ему оживленный голос Гришаева, сидящего в знаменитом кресле у себя в кабинете. — Если они выбирали себе планету для заселения, то ведь наверняка побывали и на Марсе, и на Венере. Вдруг они стали марсианами и живут там, внутри? И вдруг спутники Марса — их рук дело? А может, с ними связана и катастрофа Атлантиды? И все древние легенды о космических пришельцах и богах? Вот это да! — Гришаев даже подскочил в кресле, настолько изумила его самого эта мысль. — Эх ты, Лихман, Лихман! Ты способный человек, но ты узкий практик. Как же раньше не пришла тебе в голову эта идея!?»

Лихман усмехнулся и ответил с ехидцей, которой Гришаев, кажется, не уловил: «Мне всегда не хватало твоей окрыленности. Но на этот раз твоя гипотеза недостаточно безумна, чтобы быть истинной. Самая безумная — вот она: и Луна, и спутники Марса, и гибель Атлантиды, и Тунгусский взрыв, и все прочее — свидетельства разных контактов с разными космическими путешественниками! Чуешь: Вселенная перенаселена, и десятки делегаций были у нас в гостях, и все оставили свои следы. А мы, на Земле, — истинные робинзоны. Глупые, заскорузлые, нелюбопытные робинзоны. И главный робинзон — ты, Гришаев!»

Гришаева перекосило, и он вместе с креслом исчез из-за стола директора института, как ветром сдуло. «Ну, наконец-то я выдал ему!» — с удовлетворением подумал Лихман.

...Ступеньки мелькали под ногами, он торопился, торопился и чувствовал, что уже настигает ТОГО, в лицо ему уже веяло ветерком от движения ТОГО. И вдруг Лихман с ужасом обнаружил, что под ногами нет ничего. Неизвестно на какой высоте лестница оборвалась. В детстве он часто видел это во сне: он спускался по крутой винтовой лестнице в полной темноте, и вдруг лестница обрывалась.

Он рухнул вниз... но ничего не произошло. Он оказался в новом полутемном коридоре, рванул первую попавшуюся дверь — и замер. В небольшой опрятной комнате стояла на столе золотая Критская ваза, точно такая же, как у него, только побольше. Он взял ее в руки и прочел древнегреческий текст: «Летели двести поколений и вот планета цветущая».

Пораженный этим новым открытием, он неосторожно выронил вазу, и она разлетелась мелкими осколками, словно была стеклянная. В двери соседней комнаты появился человек. Увидев Лихмана, он изумленно попятился.

— Кто вы? — спросил человек на чисто русском языке.

— Я — Лихман...

— Извините вы что-то путаете, — сказал человек. — Лихман — это я,

Лихман пригляделся и понял, что перед ним стоит он сам, он, Лихман, похожий как две капли воды, только иначе, по-домашнему одетый. Лихман не поверил, почему-то ему показалось, что перед ним зеркало, и он тронул лицо незнакомца. Лицо было теплым, чуть влажным и отпрянуло под его рукой.

— Не может быть, чтобы вы были Лихман, — сказал он. — Это невероятно. Невероятно, чтобы во Вселенной случались такие парадоксы!

— В чем же вы усмотрели тут парадокс? — обиделся тот,

второй. — Я, слава богу, вот уже пятьдесят два года ношу эту фамилию, и у меня нет оснований отказываться от нее...

— Да нет, вы не так меня поняли, — сказал Лихман. — Просто я хочу, чтобы вы как-то доказали мне свое существование. Я, видите ли, еще не могу поверить. Может, опять какие-нибудь ваши лунные фокусы, вроде передачи мысли... передачи образа...

Но тот, другой, не слушал, он подошел к двери соседней комнаты и тихо позвал:

— Оленька, поди-ка сюда, скажи этому типу, кто я...

Из двери вышла Ольга, совсем настоящая, совсем такая, какую он видел ее в последний раз перед отлетом на Луну. Она обняла того, другого, положила голову ему на плечо и сказала нежно:

— Это мой Лихман, Михаил Маркович, мой самый любимый человек. Никому его не отдам.

— Ольга! — крикнул Лихман в бессильном отчаянии. — Ольга, вот же он я...

— Ольга... — слабо простонал Лихман.

Врач Шестой Лунной склонился над ним.

— Что, Михаил Маркович?

— Скажите вы ему... — прошептал Лихман.

Врач вытер пот на его лбу.

— Бредит, — тихо сказал Саша Сашевич. — Лучше ему?

— Хуже! — отрезал врач и отвернулся.

...В этот самый момент Димка из отряда буровиков с помощью ручного лазера открыл наконец входной люк лунного бункера и, оттиснув кого-то плечом, первым шагнул в неизвестное.

Ольга уже все знала, но еще не верила ничему. Не хотела верить, потому что об этом сказал ей Гришаев.

И вот — газета.

«ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ».

«ЛУНА — НЕ СЕСТРА И НЕ ДОЧЬ ЗЕМЛИ. ЛУНА — ПАДЧЕРИЦА ЗЕМЛИ».

«ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА ВНУТРИ ЛУНЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ».

«...таким образом, подтвердилась гипотеза ряда советских ученых о том, что...»

«...немедленно направить в район работы Шестой Лунной научной экспедиции три пассажирских и семь грузовых ракет из резерва Президиума Академии наук СССР для форсирования работ...»

«КОМСОМОЛЬЦЫ — НА ЛУНУ!»

«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА...»

За проявленное геройство, мужество и находчивость в деле... присвоить звание Героя Советского Союза... руководителю экспедиций «ЛН-5» и «ЛН-6» ЛИХМАНУ МИХАИЛУ МАРКОВИЧУ (посмертно)...»

«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО...»

В связи с ходатайством Академии наук СССР кратеру Б-046-20, где был обнаружен вход в подземный лунный город, присвоить наименование КРАТЕР ОЛЬГА...»

Она все выдержала бы. Но это...

Две капли упали на газетный лист. Прямо на кратер ее имени.

СОДЕРЖАНИЕ

Рукопожатие	я	5
Дайна	я	50
Дуэль	я	79
Десять лет спустя	. . . . .	95
Кратер Ольга	я	108

ЛАПИН БОРИС ФЕДОРОВИЧ

Кратер Ольга

Р а с с к а з ы

Редактор Л. В. Глаголева

Художник В. Шичков

Худож. редактор Е. Г. Касьянов

Техн. редактор А. В. Пономарева

Корректор Т. Н. Ковина

Сдано в набор 10 июля 1968 г. Подписано
в печать 25 сентября 1968 г. Печ. л. 5,95.
Уч.-изд. л. 6,22. Бумага тип. № 2, фор-
мата 70 X 108¹/₃₂. Тираж 30 тыс. За-
каз № К-280. НЕ 03624. Цена 18 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство,
г. Иркутск, ул. Горького, 36.

Типография № 1 Иркутского областного
управления по печати, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 11.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

18 коп

